

Зона
ПУТИНСКОЙ
ЭПОХИ

Бори

Борис Юрьевич Земцов

Зона путинской эпохи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5013926

Зона путинской эпохи: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0134-6

Аннотация

Борис Земцов в бытность зам. главного редактора «Независимой газеты» попал в скандальную историю, связанную с сокрытием фактов компромата, и был осужден за вымогательство и... хранение наркотиков. Автору предстояло провести 8 лет в зоне строгого режима. Однако в конце 2011-го, через 3 года после приговора, Б. Земцов вышел на свободу, – чтобы представить читателю уникальную книгу о современной зоне. Основу книги составил дневник, который автор вёл в неволе, и большую часть которого ему правдами и неправдами удалось переправить на волю.

Автор предупреждает: никто ныне не застрахован от тюрьмы! А все потому, что в нынешней ситуации власть вынуждена будет выполнять свои обязательства перед народом и сажать олигархов, или, если она этого не сделает – придется сажать тех, кто будет требовать от власти исполнения своих обещаний. В условиях такой непредсказуемой ситуации почитать эту книгу будет полезно и простым гражданам, и олигархам.

Интеллигент на зоне – основная тема книги известного журналиста Бориса Земцова.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Борис Земцов

Зона путинской эпохи

Всем, кто ждал, помогал и верил...

На трехдневное свидание приезжал сын. Окрепший, повзрослевший. Последний раз мы виделись почти два года назад в Бутырской тюрьме. Общались через коридор, по телефону, разделенные двойным стеклом и двойными решетками. Теперь мы смогли обняться, поговорить «вживую». За это время он «отбыл» срочную. Служил в ВДВ, в армию ушел по собственному желанию, хотя мог получить честную отсрочку, необходимую для завершения учебы в колледже. Самоутверждался! Проверял себя! С этим у него, кажется, все получилось. Первый вопрос, который он задал, был: «Как ты здесь?» Что я мог ответить ему? Конечно: «Нормально».

И, действительно, за все это время меня никто ни разу не ударил, даже голоса на меня никто ни разу не повысил. Не было случая, чтобы я расставался здесь с вещами и продуктами вопреки собственному желанию. Конечно, случались ситуации, близкие к конфликтным, но все завершалось без унижений и потерь. Другое дело, *можно ли вообще считать ситуацию, когда человек находится в тюрьме, нормальной?*

Многие из моих нынешних соседей говорят с пафосной гордостью: «Я здесь дома, и мне здесь хорошо!» Похоже, врут. *Неволя для нормального человека совершенно противостественна.* Воздуха и неба у него должно быть сколько угодно, и двигаться он должен по собственному выбору в любом направлении, в любое удобное для него время, и распорядок дня ему не должен навязывать полуграмотный, вечно лузгающий семечки прапорщик. Впрочем, стоп! Довольно философии! Зона – это наказание, для кого-то заслуженное, для кого-то не очень, кто-то попал сюда по недоразумению, кто-то в итоге тщательно спланированной провокации. И, в любом случае, это наказание – испытание, которое надо вынести достойно. Пытался что-то объяснить сыну по этому поводу. Очень хочу надеяться, что был понят.

* * *

Удивительно, но зона не получает ни одной газеты. Обо всем, что происходит в стране и за рубежом, зеки, или, как требуют здесь говорить представители администрации – «осужденные», узнают исключительно из телевизора. А вот здесь не все так просто, – телевизор один на весь отряд, в котором почти двести человек. Среди тех, кто собирается у экрана, как правило, любители сериалов, футболов и клипов с полуголыми девками. На этом фоне зек, интересующийся новостями и политикой, мягко сказать, белая ворона.

В итоге население зоны фактически пребывает в информационном вакууме. Похоже, и наших начальников, и тех, кто в свою очередь ими руководит, все это более чем устраивает. Кому нужен читающий, развивающийся и мыслящий зек? До чего он может додуматься? Какие мысли могут осенить его сознание? Вдруг начнет анализировать обстановку, сравнивать условия нынешней своей жизни с действующими законами, кодексами, инструкциями? Уж лучше пусть припадает любую свободную минуту к брызжущему глупостью, насилием, а то и спермой, экрану. Глупый зек – лучший зек, удобный, предсказуемый, управляемый. Наверное, по той же причине в зоне напрочь отсутствуют условия, для того, чтобы писать и читать. Даже лежа на шконке¹ из-за паскудного подвально-сортирного освещения этим

¹ Шконка – тюремная койка.

заниматься невозможно. Словом, делается все, что бы жизнь наша жестко втрамбовывалась в куцую формулу: «Спать-работать, работать-спать».

* * *

Проснулся среди ночи от ощущения, будто кто-то трогает мое лицо. Машинально провел рукой по лбу и щекам – нащупал твердое похрустывающее семечко. Таракан! Нисколько не удивился. Этим животным здесь великое множество, они обитают в тумбочках, в щелях деревянных столов, под обшивкой стен в коридоре. Еду, посуду, умывальные принадлежности приходится упаковывать в целлофановые пакеты. О том, что эти наглые существа могут залезть в уши и ноздри, стараемся не думать. Мы почти привыкли к ним. Они – наши соседи, из категории, «которых не выбирают». Мы делим с ними кров, еду, пространство. Надо благодарить судьбу, что из насекомых здесь только тараканы. Вши и клопы доставляли бы нам куда больше хлопот и неудобств. Да и что ждать от зоны, отделенной от столицы почти тысячей километров. Могу лично свидетельствовать, что в двух столичных СИЗО, где начинал коротать свой срок, проблем с этими нежелательными соседями было куда больше.

* * *

Мне вовсе несимпатична противоречивая, местами просто лживая, система тюремных ценностей. У меня нет никаких оснований осуждать тех, кто, попав в зону, стал на путь добровольного сотрудничества с администрацией, «одел рога», стал «козлом», как здесь говорят. Это их личный выбор. Но я не могу не замечать, какие у большинства представителей «актива» мерзкие лица, подлые глаза, отвратительные манеры. Типичный пример – Рома Сухой, помощник дневального в нашем отряде, невежественный, наглый, подлый. Не более приятен и его коллега – Леша Рыжий, хитроглазый с хищным клювовидным носом, угодливый в отношениях с любым прапорщиком и надменный по отношению к любому из нас. Уникальный пример представителей «козлиной» категории – отрядный завхоз Юра, здорово смахивающий на Вия из той первой советской замечательной экранизации бессмертной гоголевской повести. В неполные сорок лет он имеет почти двухсоткилограммовое студенистое рыхлое тело. Куда отвратительнее его мстительность и жадность до жратвы и прочих подношений, непомерная завистливость. *Похоже, администрация, решая главную свою проблему – содержать зону в повиновении, делает ставку именно на подлецов.* Значит, что-то – изначально неправильно, нечестно, порочно в системе, призванной контролировать, воспитывать и перевоспитывать попадающих в зону людей. Конечно, принцип ставки на «сволочей» – не новый, но почему-то именно здесь он доведен до совершенства? Может быть, наша колония исключение из общего правила?

* * *

Разговорился с библиотекарем колонии. Это старик, давно переваливший за семьдесят, но он бодр и энергичен, выглядит лет на пятнадцать моложе. Глаза ясные, живые, умные. Инженер-конструктор, электронщик, признанный международный авторитет в области перехвата, локации и прочих чисто оборонных заумных электронных «штучек». Его имя и перечень его открытий, разработок, изобретений, включены в военные энциклопедии и оружейные справочники. Сюда попал за контрабанду военной техники, свое обвинение отрицает, считает свое дело «заказным», уверен, что его «засадил» конкуренты, которым он мешал своей деятельностью зарабатывать на российском рынке вооружения. Прав ли он,

судить не берусь, но сам факт «посадки» государственного по сути человека, а, главное, лишение его возможности заниматься своими делами, поражает. И дело даже не в его более чем почтенном возрасте, не в заслугах перед государством (а их перечень более чем внушительный). Даже, если он виновен, неужели было нельзя ограничиться условным наказанием? На худой конец, в заключении создать ему условия для продолжения работы, имеющей, без преувеличения, стратегическое государственное значение? Как тут не вспомнить Сталинско-бериевские шарашки, в которых некогда и формировалась инженерная мысль Королева, Туполева и многих прочих светил советской науки. Да, их сажали чаще всего по нелепым, надуманным, а то и откровенно сфабрикованным обвинениям, но там, по ту сторону «колючки», им создавались все необходимые условия. Им давали усиленный паек, для них выписывали порой даже из-за рубежа соответствующую литературу, им предоставляли штат помощников, целые лаборатории, словом делалось все, что бы их потенциал не «ржавел», не простаивал, а работал на Державу. Выходит, сталинским ГУЛАГом руководили истинные государственники, люди умные и дальновидные, в отличие от ГУЛАГа нынешнего, демократического. Вот и сидит ясноголовый Игорь Владимирович Н., лауреат различных премий, кавалер многих наград в лагерной библиотеке (хорошо, не угодил еще на «промку»² ворочать мешки и дышать полипропиленовой вонью). Вот и думай! Вот и сравнивай!

* * *

Пасха. Удивительно, но первый, кто поздравил меня с этим, столь важным для каждого православного праздником, был мой сосед по бараку чеченец Муса М. Двойственное чувство, с одной стороны – приятно (чуткость, искреннее внимание и т. д.), с другой стороны – досадно. Первым с Пасхой меня поздравляет мусульманин, а единоверцы, крещенные в младенчестве, носители крестов всех калибров, редкие, но все-таки, посетители, местного храма, в это время, уныло матерясь, тянулись к умывальнику, заваривали чифир, а то и просто дрыхли. Что-то похожее я уже испытывал примерно год назад, когда в отряд из лагерного «блаткомитета» передали солидный пакет с конфетами и прочими сладостями. Инициатор акции адыгеец Джоник скупно пояснил: «У нас, мусульман, сегодня праздник, пост закончился. Это Вам, братья, от души!» Увы, мои единоверцы в проявлении подобных инициатив замечены не были. Как бы хотелось верить, что это – недоразумение частное совпадение случайных моментов.

* * *

Каждый день в зоне начинается с государственного гимна. Каждый день ровно в шесть (в воскресенье и праздники на час позднее) эта мелодия, усиленная выдавшим виды динамиком, врывается в наше сознание, высверливает мозг, поднимает с коек. Качество музыки гадкое, запись полна треска, шороха и всякого рода хрипов и всхлипов. Многие признаются, что за несколько лет пребывания здесь успели возненавидеть эту мелодию. Не исключено, что через какое-то время и я последую их примеру. И это в то время, что всю предыдущую жизнь я очень уважал эту торжественную, величественную музыку, считал, что стране с гимном просто повезло! Отношение это не родилось само собой, уж так сложилась жизнь, что гимнов различных государств довелось переслушать немало, и лично могу свидетельствовать: наш гимн – лучший! Скажу больше, неведомая сила распрямляла спину при первых звуках

² Промка – производственный сектор территории колонии.

этой музыки, наполняла сознание гордостью, энергией. Не уверен, что после пребывания здесь удастся сохранить это светлое чувство.

Кстати, остается пока сожалеть и удивляться, насколько нерационально используются возможности радиосети зоны. Кроме команды «подъем», сопровождаемой упомянутой выше музыкой, транслируется команда «отбой» («в зоне строгого режима отбой, спецконтингенту занять спальные места...»). Еще с помощью радио разыскиваются необходимые сотрудники («прапорщик Иванов, срочно зайдите в дежурную часть») и осужденные («осужденный Петров, третий отряд, срочно прибыть на рабочее место»). Вот, пожалуй, и все. А ведь могла бы администрация колонии создать собственную радиогазету, наладить информационную службу, организовать регулярные выступления сотрудников, руководителей служб, самих осужденных. Эти меры помогли бы наладить контакт между теми, кто в зоне сидит, и теми, кто зоной руководит. Радио помогло бы лучше понимать друг друга зекам и мусорам³. Вместо этого всего из динамиков доносится затасканная до неузнаваемости фонограмма гимна да лающие команды. Впрочем, по-другому здесь, наверное, и быть не может. Люди, призванные не только держать нас в строгих рамках режима, но и воспитывать нас, к диалогу с нами просто не готовы. Они боятся нас. Они ненавидят нас. Они стесняются нас в силу своего косноязычия. Последнее качество представители администрации демонстрируют каждый понедельник, в день, на который приходится в зоне общее построение и что-то похожее на строевой смотр. Типичный пример этого косноязычия, откровенного игнорирования элементарных норм русского языка демонстрирует замполит зоны подполковник с экзотической кличкой Конь-Голова. Похоже, этот человек так и не усвоил знакомые каждому школьнику правила склонения и спряжения, многие слова употребляет просто не по назначению, да и беден до убогости у него запас этих самых слов. Понятно, в эфире таким «златоустам» делать нечего.

* * *

Свойство мечтать, как свойство смеяться, относится к разряду качеств, которые резко отличают человека от животного. Отрадно, что многие из нас не утратили этого навыка. Кажется, и я здесь не исключение. Сегодня представил себе, как после освобождения займусь осуществлением оригинального проекта. Смысл его прост. Направить в одну из колоний, профессионального фотографа, поставить ему задачу отснять лица заключенных. Отснять в анфас, крупным планом, точнее снимать даже не лица, а глаза (что выше бровей и ниже носа загородить, заретушировать), а потом из этих снимков сделать выставку по всем правилам вернисажного искусства, с соответствующей подсветкой, специально подобранной музыкой и т. д. Уверен, на этой выставке не будет похожих снимков, каждый взгляд будет по-своему неповторим. Перемешаются в них и пронзительная грусть, и щемящая надежда, и угрюмая злоба, и виноватая нежность, и робкая вера, и жестокая решительность, и еще много чего....

* * *

Все-таки в счастливое время выпало нам сидеть. Сегодня практически каждому арестанту можно надеяться на светлый просвет в судьбе, на облегчение участи. Это, конечно, не значит, что каждому будет снисхождение, но шансов прибавляется. И на УДО (условно-досрочное освобождение) люди уходят куда чаще, чем в предыдущие годы, и начавшаяся

³ Мусора – сотрудники администрации колонии.

реформа службы исполнения наказаний надежд прибавляет, и концентрация слухов о замене старого УК РФ на новый, более гуманный, нарастает. Еще несколько лет назад ничего подобного и в помине не было. Получал человек свой срок, и это был приговор на все «двести процентов» – ни «скощухи», ни послабления! Так что будем ждать, надеяться. Тем более, дело идет к выборам. Достижения в экономике, в социальных сферах весьма скромные, а где «пряники» для электората? Реформы в УФСИН, совершенствования в УК, сокращение общего числа сидельцев – самый верный, самый честный, самый малозатратный путь. Эффект, бесспорно, будет ощутим. Едва ли не в каждой российской семье кто-то сидел, сидит, или, того гляди, сядет. На худой конец, просто с содроганием вспоминают о времени не столь давнем, когда понятия «ссылка», «лагеря», «этап», «срок» заставляли трепетать каждого.

* * *

Случайно попал в руки томик М. Булгакова. Перечитал, в который уже раз, с превеликим удовольствием. Из «Собачьего сердца» выписал цитату, посвященную главному герою. Характеризуя Шарикова, автор отмечает его особенное пристрастие к мату. «Ругань эта, – пишет М. Булгаков – методическая, непрерывная и, по-видимому, совершенно бессмысленная. Она носит несколько фонографический характер: будто это существо где-то раньше слышало бранные слова, автоматически, подсознательно занесло их в свой мозг и теперь изрыгает их пачками». Как же точно и емко сказано! И, увы, это может относиться к доброй половине моих соседей. Зачастую их речь на 60–70 % состоит из тупого, однообразного мата. Ругательства-связки, ругательства-костыли, ругательства – суррогат всех прочих слов...

Впрочем, стоит ли упрекать в этом моих нынешних соседей. Ведь многие из них выросли в условиях, где подобная форма изъяснения была повальной нормой, где привязанность к мату передавалась из поколения в поколение, закреплялась на генном уровне. Да и уместно ли слишком строго судить арестантов за сквернословие, когда те, кто нынче призван контролировать нашу жизнь, а, значит, и воспитывать нас, выражают свои мысли и чувства совершенно так же.

Впрочем, арестант арестанту рознь. Смотрящий соседнего отряда Андрей Дрон – глубоко верующий и совсем еще молодой человек, объявил мату беспощадную войну. Он запретил материться в бараке, нарушителей строго наказывает. Побольше бы таких смотрящих! Кстати, и на воле я встречал людей, «отмотавших» серьезные сроки, высшим образованием «не обремененных», но сознательно полностью искоренивших в себе эту скверную привычку.

* * *

Ощущение времени здесь совершенно иное. Дни летят, недели мчатся, месяца проносятся, а время, как таковое... стоит на месте. Это потому, что время в сознании большинства арестантов испокон веков ассоциируется с освобождением, возвращением домой, окончанием срока. А сроки, здесь, в колонии строгого режима, почти у всех немалые, соответственно, как бы быстро не проходили дни, недели, месяцы, долгожданная воля придет не скоро, вот и стоит это самое время на месте. Вот здесь-то я и начинаю понимать, что в категории «время» есть два параметра – количественный (это, как раз, связано со скоростью его движения) и качественный. Последний, для человека в нашей ситуации, куда важнее, чем первый. Какое счастье, что пока ни за один день, ни за один час, проведенный здесь, мне не стыдно. Очень хочется, чтобы и самом конце своего испытания я бы мог признаться себе в том же самом. Соответственно, вполне актуальное пожелание самому себе: «Не надо

пришпоривать время. Не важно, как быстро оно будет двигаться, главное, чтобы для тебя оно проходило достойно».

* * *

Стал свидетелем любопытного диалога. У зека, державшего в руках книгу, другой, похоже, ничего подобного в руки никогда не бравший, спросил: «О чем книга?» – «Да роман», – нехотя ответил первый. «А, понятно», – с умным видом, вполне удовлетворенно протянул вопрошавший. Будто бы само название жанра произведения способно дать исчерпывающую характеристику его содержанию.

Да, отношение к чтению большинства моих соседей-коллег оставляет желать много лучшего. Хорошая треть не читает вовсе. Никогда и ничего! Не имеют потребности! Не приучены. Не доросли. Хорошая половина оставшегося количества читает, но качество и содержание этого чтения можно смело охарактеризовать одним словом: «макулатура». Какие-то малоформатные, в мягких, но очень ярких обложках с говорящими названиями: «Я – бандит», «Мы – воры» и т. д. Ни уму, ни сердцу эти книги, понятно, не прибавляют. Интересы прочих очень разнообразны. В руках соседей видел зачитанные до дыр томики самых разных отечественных и зарубежных классиков, образцы современной, авангардной литературы. И знакомую мне с далекого детства «Занимательную физику», и очень серьезные книги по религии, истории, философии, вплоть до пухлого сборника Конфуция. Грустно, что читают здесь в целом мало, плохо, что читают здесь в основном совсем не то, что надо читать русскому человеку в подобных условиях, но одним махом записывать весь окружающий меня «спецконтингент» в категорию воинствующих невежд было бы несправедливо. В местной библиотеке всегда немало посетителей, интересующихся не только И. Буниным, В. Шукшиным, В. Пелевиным, но и Н. Макиавелли, Н. Гумилевым, И. Бродским. Сам откопал здесь и с удовольствием прочитал мемуары Л. Кагановича, автобиографию Л. Троцкого, последний роман Ю. Сорокина, монографию А. Кузьмина о принятии Русью Христианства, да много чего еще нового, полезного, неожиданного обнаружил я на здешних полках.

* * *

С первого дня, как попал сюда, – работаю в три смены. С 8 до 17, с 17 до 24, с 24 до 6. Четыре дня в первую, четыре дня во вторую, четыре дня в третью. Между сменами – выходные. Поразительно, но за полгода, проведенные в зоне, в лучшем случае было дней двадцать, когда мы могли работать в полную силу, не испытывая проблем со снабжением материалами. То нет мешков, то кончились паспорта от этих мешков, то отсутствуют вкладыши для этих мешков. И это в то время, когда в соседнем, громадном административном корпусе заседает целый плановый отдел, где вроде как трудится и, надо полагать, получает за это свои немалые деньги целый штат специалистов, по слухам, жен, дочек, племянниц, и прочих родственников представителей администрации.

Чем дольше здесь нахожусь, чем внимательней присматриваюсь к особенностям организации производственного процесса на «промке», тем отчетливей становится мое предположение, что подобная бесхозяйственность, не просто бесхозяйственность, а бесхозяйственность специально, самым тщательным образом, срежиссированная.

Скорее всего, наша «промка» – звено в непростом, но таком типичном в наше время механизме полукриминального или полностью криминального производства, где присутствуют и «левое» сырье, и неучтенная продукция, и не уплаченные работникам деньги и много чего еще. Но такие тонкости понятны далеко не многим. Большинство рассуждает так: «Платили бы что-нибудь, чтобы хватило на курево, чай – и достаточно». Между тем

наших заработков и на этот минимум не хватает. За месяц приходится заработать тридцать, пятьдесят, семьдесят, в лучшем случае, двести рублей. Если вспомнить, что пачка сигарет стоит двадцать рублей, а стограммовая пачка чая и того больше – это не заработки, а откровенное издевательство. «Качать права» в этом направлении дело бесполезное и почти небезопасное. Расценки и нормы выработки на многие из видов выполняемых нами работ от нас тщательно скрываются, а любая попытка разобраться в этих дебрях встречается отрезвляющим вопросом из уст этих людей погонях: «Ты что, сюда зарабатывать приехал?» Любой «правдокопатель» в наших условиях рискует быть списанным на нерабочий барак, где время тянется куда дольше, и откуда, даже для «работяг», призрачное УДО почти не светит вовсе.

* * *

Да, большинство, окружающих меня людей не привыкли говорить «доброе утро» и «пожалуйста», им привычней сморкаться в два пальца, чем пользоваться носовым платком, им даже в голову не приходит, что пить чай и есть суп можно бесшумно, не издавая чавканья и прочих чисто животных звуков. Но разве они виноваты в этом? Они унаследовали эти манеры и привычки от своих родителей. Они выросли в той среде, где подобное поведение – норма. Они просто не представляют себе, что существует иной стиль поведения. Похоже, государство, и те, кому государство поручает «исполнение наказаний», совершенно осознанно и целенаправленно собирают этих людей в отдельных местах и только чуть-чуть разбавляют их людьми иного толка, понимающих для чего существует носовой платок, и что такое жить среди людей. Для нормальных людей подобное окружение, точнее погружение, еще точнее «кунание» в столь высокую концентрацию невежества, хамства, откровенной ублюдочности – дополнительное наказание, прибавка к основному наказанию. Впрочем, что более болезненно, что более действенно влияет на психику, сознание, характер – то ли просто лишение свободы, то ли погружение с головой в шариковообразную массу – еще не известно. И все-таки нельзя столь жестоко, столь безапелляционно судить среду, в которой нахожусь нынче. Эта среда – часть народа, очень типичная и очень массовая. Именно такие люди, зачастую звучно чавкающие за столом, не знакомые с носовым платком, не имеющие навыка обращения с ножом и вилкой, возводили домны и фабрики, ставшие основой промышленного потенциала моей державы. Они вставали в штыковые атаки на фронтах всех возможных войн, да и много еще в чем успели отличиться в истории. Это в масштабах глобальных, исторических, эпохальных, а в минимасштабах одной человеческой жизни трудно угадать, кто именно протянет тебе руку в трудную минуту, вытащит из огня, прикроет в бою, поделится последней коркой хлеба. То ли тот, с кем изучал философию и высшую социологию, то ли тот, с кем, по стечению обстоятельств, грузил мешки и давился «сечкой». Великое искусство жить с людьми и среди людей, верно ориентироваться в понимании категорий «народ», «личность», «коллектив», «группа». Дай Бог преуспеть во всем этом!

* * *

Насколько я знаю, никто из специалистов не изучал идеологических пристрастий и политической ориентации нынешних российских арестантов. А жаль. И социологов и политологов здесь ожидало бы много сюрпризов и откровенных открытий. Неверно было бы одним махом причислять всех моих соседей к социально инертной, полностью аполитичной массе. Споры на политические темы не часто, но вспыхивают в нашей среде. Удивительно, парадоксально, но при всей непохожести мнений, высказываемых в ходе подобных споров, в одном едва ли не все мои нынешние коллеги-соседи единодушны: при коммунистах, до распада СССР жить было лучше. Это мнение арестанты разделяют независимо от возраста,

образования, социального уровня, национальности (среди нас немало граждан автономных республик и граждан государств СНГ). И это несмотря на то, что судили в советские времена строже, срока давали куда более серьезные, и шансов соскочить с этих сроков с помощью УДО и всяких прочих «штучек» было куда меньше. Правда, в нынешнем многообразии партий, лидеров, течений арестанты ориентируются плохо. Доводилось слышать безапелляционные, но не имеющие ничего общего с истиной оценки: будто лимоновцы – это фашисты, демократы есть только на Западе, либералы – это сплошь пидорасы (простите, гомосексуалисты). Очень многие всерьез уверены, что Ельцин до сих пор жив, Горбачев наоборот давно умер и погребен то ли где-то на Западе, то ли аж у самой Кремлевской стены. Особое место среди политических приоритетов нынешних арестантов занимает В. В. Жириновский, в основном, конечно, за счет личного колорита, харизмы.

Много слышаны мои нынешние соседи и о равнодушном отношении Владимира Вольфовича к судьбам нашего брата, о случаях, когда лидер ЛДПР конкретно помогал арестантам, предоставлял квалифицированных юристов и адвокатов, ходатайствовал о пересмотре дела и инициировал соответствующие бумаги в Верховный суд, Генеральную прокуратуру. «Он наш», «Он может», «Он помогает» – часто говорят в нашей среде о В. В. Жириновском. Верно, поэтому и ношение белых маек с аббревиатурой ВВЖ считается здесь большим шиком. Потому и календари, плакаты, открытки с символикой ЛДПР и портретами его лидера, что прислал мне сюда мой друг, близкий к делам этой партии, моментально осели на тумбочках и в карманах моих соседей по бараку. При всем при этом о политических целях и задачах либеральных демократов никто толком понятия не имеет.

* * *

Странная методика принятия пищи у Паши Катастрофы, что сидит за одним столом со мной за завтраком, обедом и ужином. Наполненную ложку, он быстро подносит к лицу, на мгновение задерживает ее в нескольких сантиметрах от носа, то ли изучая, то ли гипнотизируя ее содержимое, потом делает движение вперед всем корпусом, и с невероятных хлюпаньем втягивает в себя это самое содержимое. Неудивительно, что Пашу можно услышать и за соседним столом. О том, что Катастрофа ест, можно узнать человеку издали с завязанными глазами. Недавно после прослушивания очередной порции чавканья и бульканья, я все-таки не удержался и почти деликатно поинтересовался: «А что, Паша, не пытался ли ты когда-нибудь кушать бесшумно?» Мой визави округлил глаза, задумался на долю секунды и изрек недоверчиво обиженно: «Гонишь!» Последнее слово из тюремного жаргона универсально и может таить в себе множество смыслов и оттенков. «Гнать» – для арестанта и шутить, и горевать, и задумываться, и откровенно врать.

В подобных своих привычках Паша Катастрофа не одинок. Добрая треть моих нынешних соседей может соревноваться между собой в звучности потребления пищи и напитков.

* * *

Жара. Беспощадная. Всепроникающая. Превращающая любого из нас в потное, обесиленное и отупевшее подобие человека. Говорят, подобной жары в этих местах не было более ста лет. Сорок и более градусов жары. Странно, но именно с это время на обед в качестве своеобразного десерта-дополнения к лагерному рациону дают соленые огурцы и помидоры. Иногда кажется, что в рассол к ним вместо соли (или в придачу к ней), добавляют известь. Естественная реакция организма на подобное угощение – невероятная жажда.

* * *

У каждой зоны свое лицо и свой характер, свои только ей присущие особенности, свои плюсы и свои минусы. На Березовке (так назывался поселок, где находился до того, как нас перевели в эту зону) почти все зека ели, не снимая шапки. В Березовке строго запрещалось выносить из столовой хлеб, тем более самодельные пластмассовые судки с супом или кашей. Здесь зек, выходящий из столовой с едой всех видов в охапку – явление самое обычное. А вот с посудой на Березовке не было никогда никаких проблем, всем всего хватало. В этом лагере кружек, по-тюремному «кругалей», хронически не хватает, поэтому утренний чай, обеденный кисель и вечернее молоко мы вынуждены наливать в личную, принесенную с собой посуду, или чашки, предназначенные для супа или каши. Зайдет посторонний человек в столовую и запросто может увидеть такую картину: шеренги столов, за столами мрачные мужики хлебают то, что пьют обычно из стаканов и кружек. Ладно, если бы на восточный манер держали бы они эту посуду на трех пальцах, нет, исключительно держат двумя руками за края. Иные и вовсе, то ли ради удобства, то ли по причине дремучей лени своей, не отрывая мисок от стола, просто лакают из них на собачий манер. Картина скорее трагическая, чем комическая.

* * *

Третий день в зоне выдают заплесневелый хлеб. Почему привозимый нам хлеб, якобы прямо из пекарни, сырой и покрыт когда белой, а когда и черной растительностью, – непонятно. Впрочем, это никого не интересует. Главное, что предназначенный для нас хлеб покрыт плесенью. По сути, такой хлеб нельзя считать съедобным. Едим потому, что другого нет. Конечно, едят не все. Общее потребление такого хлеба в зоне резко снизилось. Соответственно, вырос объем отходов. Надкусанные куски, куски с выломанными корками, прочий хлебный брак собирается в мешки, мешки выставляются у входа в столовую. Вонь, которую издает громадная масса заплесневелого почерневшего сырого, а подчас просто разлагающегося хлеба при сорокаградусной жаре трудно даже представить. Старожилы пожимают плечами: «бывало и хуже». Администрация безмолвствует. Молчим и мы, «мужики», рядовые арестанты. Удивительно, что молчат представители так называемого «блаткомитета». То ли они не в курсе, потому что сами употребляют свой, другой хлеб (что заходит к ним правдами и неправдами с воли), то ли откровенно поддерживают администрацию, допустившую подобный косяк. Кстати о хлебе. Стыдно признаваться, но достойному отношению к этому продукту приходится учиться у кавказцев, выходцев из Средней Азии и прочих «нерусских». Для них хлеб – понятие почти религиозное. Его не бросают, не топчут, не вытирают им ложку. Похоже, присутствующий в тюремной жизни обычай – не резать хлеб (это почти одушевленное существо, ему больно), а бережно разламывать его, привнесли именно они. Помню, как болезненно отреагировал мой сосед по «хате» в Бутырке 19-летний башкир Азат, когда другой сокамерник соорудил из хлеба грузик для сопровождения депешки отправляемой по тюремной «дороге». Он цокнул языком, покачал головой: «Нельзя так, это же хлеб, нехорошо так».

* * *

Случайно подслушал спонтанно вспыхнувший спор на тему, что такое Гондурас. В споре участвовало пятеро зеков. Трое были твердо уверены, что это просто «прикол», один

считал, что это такое место в Африке, только единственный участник дискуссии высказал (правда, не очень твердо) предположение, что это государство в Латинской Америке. Комментировать здесь нечего.

* * *

Как здорово, как актуально, как злободневно, что я не имею вредных привычек – не курю, равнодушен к картам и прочим азартным играм, прекрасно обхожусь без алкоголя, не страдаю от недостатка сладкого. А еще именно здесь понимаешь, как хорошо, что с малолетства приучен поглощать пищу без чавканья и прочих звуков, что не храплю во сне, что у меня не потеют ноги, что стельки моих ботинок не издают мерзкого запаха. Да и много чего еще начинаешь здесь ценить в себе самом и в окружающих. Понять это человеку, с зоной собственной шкуркой не знакомому, невозможно, объяснить – бессмысленно. Именно здесь и осознаешь, какие пласты смысла скрыты, запрятаны, замурованы в простеньком, на первый взгляд, девизе-лозунге, что когда-то кололи на телах своих российские многострадальные арестанты:

«Кто не был – тот будет, кто был – не забудет...» Впрочем, понять это дано, повторяю, лишь тому, кто представляет ситуацию не по книжкам, не по сериалам, а по собственным впечатлениям.

* * *

Главное событие последних дней – падение забора. На наших глазах, аккуратно во время вечерней проверки упал забор. Не весь конечно, но целых три громадных пролета. Событие было встречено диким хохотом, аплодисментами и прочими проявлениями веселья. Еще бы: один из основных символов нашей несвободы, высоченный кирпичный забор, отделяющий нас от той, «настоящей» жизни, рухнул. Не важно, что этот забор далеко не единственный, что в том же самом образовавшемся проеме видны еще последующие, не менее высокие, не менее крепкие ограды, неважно... Главное – на наших глазах упал забор! Для администрации подобное событие было ЧП серьезного калибра. Сразу же на месте аварии появился усиленный наряд из роты охраны, с автоматами на изготовку, с громадной овчаркой. Более того, уже на следующее утро на своеобразный субботник по ликвидации последствия аварии вышло громадное количество прапорщиков и сержантов сверхсрочников, то есть всех тех, кто выводит нас на работу, поднимает по утрам, проводит «шмоны», следит за нашим внешним видом и т. д.

Видеть этих людей, не шарящих в наших тумбочках, а по-настоящему работающих, еще одна радость для нас. И «радость» эта длилась аж несколько дней – все это время «стройотряд», сформированный из представителей администрации, трудился в поте лица. Мобилизованные мусора разбирали упавший пролет на блоки и кирпичи, грузили все это на самосвалы, на месте рухнувшего участка каменной стены возводили деревянный забор, не менее высокий, еще более унылый. Сам факт падения забора по-своему глубоко символичен. Подобная авария повторяется каждую весну. Из года в год, на протяжении многих лет. Почва здесь болотистая, когда зону строили – поспешили, или схалтурили, фундамент сделали неглубокий, без учета особенностей грунта, вот и «плывет» земля каждую весну под символом нашей несвободы, вот и рушатся каменные пролеты, вот и трясут животами сотрудники администрации на вышеупомянутых «субботниках». Очень может быть, что учреждению, в стенах которого мы ныне пребываем, все это даже очень выгодно. Ведь в счет подобных ЧП очень удобно «выбивать, кланчить, получать» деньги на «реконструкцию», «ремонт», «восстановление», а контролировать расход этих денег в условиях полузакрытой системы

практически невозможно. Значит, – вечно падать здесь заборам! Вечно их реконструировать нашим начальникам, ну и нам, зекам, значит, вечная маленькая в том радость!

* * *

Зона может сломать человека (это общеизвестно и комментировать здесь нечего), зона может ожесточить человека (это естественно и понятно). Зона может очистить человека, помочь ему разобраться в себе, укрепить характер, просветлеть душой (подобное, очень редко, но все-таки бывает). Но, не дай Бог, если зона воспитает, то есть полностью сформирует человека. Часто ли такое случается, не беру на себя ответственность определять, но подобных людей встречал я и на воле, и здесь наблюдаю регулярно. Увы, «гомо арестантус» – существо чаще всего откровенно подлое и коварное, лживое и завистливое, падкое на халяву, к труду и созиданию не способное. В нормальной жизни крайне нежелательно не то чтобы сталкиваться в лоб, даже соседствовать с ним. Ну, а здесь... выбирать не приходится.

А вот и несколько примеров-иллюстраций, классических образчиков философии жизненного кредо этих самых «гомо арестантус». Вот Слава Жук (две «ходки», обе за «жмуров») возраст ближе к пятидесяти, в общем разговоре про детей с гордостью вспоминал сына, который сел в неполные девятнадцать лет за двух «жмуров». Вот Костя Грек (почти его ровесник, тоже две «ходки», последняя по крайне малоуважаемой 132 УК РФ). В разговоре о будущем долго и живописно мечтал, как отстроит дом в деревне на природе, будет заниматься хозяйством, скотиной и пчелами. Мечтал – мечтал, а в конце добавил очень буднично: «В своем доме жить хорошо, зелень, воздух... и труп закопать, спрятать, проще...». Вот Рома Мокрый – «шнырь» по тюремным рангам, уже не раз битый за мелкие и средние по здешним меркам пакости. Едва узнав номер телефона родственников одного из своих близких друзей, уже переведенного в другой отряд, сразу стал названивать по этим «цифрам» и разводить «на деньги», обещая помочь в хлопотах по условно-досрочному освобождению своего друга. («Ну, это можно все решить, конечно, стоить будет, я скажу куда перечислить...») Разумеется, представился он перед ними не «братом по несчастью», а влиятельным и опытным адвокатом. По сути, хотел обмануть и ограбить родственников человека, с которым два года «пил чай» (это очень важно по тюремным понятиям), ел из одной чашки, вроде бы делил все тяготы арестантского бытия.

* * *

Оказывается, под словом «сирота» представители лагерной администрации понимают вовсе не тех арестантов, что лишились когда-то родителей и воспитывались со злой мачехой или в росли детском доме. «Сиротами» они называют тех, кто имеет крайне скудную поддержку с воли, «слабый грев», или не имеют таковой вовсе. *Можно быть еще более тонным: сотрудники администрации под «сиротами» понимают тех, с кого нечего взять.* Примеров подобного понимания этого слова у людей в погонах великое множество. Пришла моему соседу посылка. В посылке среди всего прочего спортивный костюм, который согласно существующим положениям и инструкциям, иметь арестанту вовсе не возбраняется, но костюм моему соседу не выдают. Прапорщик, досматривавший посылку, буркнув «не положено», передает костюм в отдел безопасности. В отделе безопасности с моим соседом просто никто не захотел разговаривать, а когда тот, проявив неожиданную твердость, продолжал требовать костюм, дежурный офицер отдела позвонил начальнику отряда: «что делать будем?» Сосед, стоявший рядом, прекрасно слышал, как снявший трубку на другом конце провода начальник нашего доблестного девятого отряда капитан внутренней службы Васи-

льев (награжденный зеками нелицеприятной кличкой «Василиса»), пробурчал в свою очередь: «да обойдется, сирота он». Родители моего соседа были на тот момент живы и здоровы.

В очень похожем положении побывал мой другой соотрядник, узнавший, что поощрение, заработанное им на «промке», тормозится, не подписывается уже упомянутым начальником отряда, тем же самым капитаном «Василисой». Добившись аудиенции у последнего, арестант стал свидетелем, как начальник не поленился связаться по телефону с мастером, готовившим список на поощрение, и, нисколько не стесняясь стоящего рядом «виновника торжества», спросил: «И что там, сильно надо, что ли? Думаю, обойдется, „сирота“ он...». «„Сирота“ – тогда понятно», – донеслось из телефонной трубки, неосмотрительно оставленной капитаном «Василисой» на значительное расстояние от уха. Велик и могуч русский язык! Много смыслов может нести в себе одно и то же слово.

* * *

Десятки, нет сотни раз, приходила здесь мысль о смерти. И естественной, и даже добровольной, и всякой прочей, с поправкой на окружение, обстановку, обстоятельства. Тема возвращается, правда в ином аспекте. Начинаю понимать, насколько нелепо дико, противоестественно, умереть именно сейчас, когда в моем арестантском марафоне, если не грянула финишная стометровка, то уже, во всяком случае, замаячила далекая, но уже видимая финишная ленточка. Когда, оглянувшись назад, могу сказать, нисколько не колеблясь: ни за один день здесь, в этой «совсем другой жизни», мне не стыдно, что все задачи, которые сам ставил перед самим собой, решил, все достойно выдержал. Впрочем, стоп, рано, ох, рано еще поднимать эту тему, а все, что связано с мерзкими словами «инфаркт», «инсульт», «рак», и т. д., надо гнать из собственного сознания прочь! Спокойствия тебе, Борис Юрьевич, бдительной мудрости и бдительной мудрости!

* * *

В отряде очередная «движуха». «Движуха» на лагерном аргю – движение, событие, какие-то перемены в устоявшемся порядке. Арестантов по одному вызывает к себе в кабинет начальник отряда и просит, скорее, требует дать расписку, подтверждающую, будто с нами проводится воспитательная работа, большая, регулярная и целенаправленная. Бумажка со стандартной формулировкой об этой самой работе, заготовленная заранее, размноженная на компьютере. Похоже, старался кто-то из «козлов» – холуев начальника отряда, скорее всего, Леха Рыжий. Все расписались. И я расписался. По сути, поучаствовал в коллективном подлоге. Поддержал неправду, встал на сторону несправедливости. Смалодушничал? Если рубить «с плеча», то – «да», если задуматься, взвесить все «плюсы» и «минусы», то – «нет». Не поставил бы я свою подпись под этой «липой» (даже если кто-то и последовал моему примеру, в чем я сильно сомневаюсь), реакцию начальника отряда в этом случае представить несложно. «Ах, вас не воспитывают! Ну, будем воспитывать!» – и стал бы загонять всех свободных от работы арестантов в кавзэрку⁴. Часами мучил бы нудными лекциями на правовые и прочие близкие темы. Вспомнив косноязычие начальника отряда, его общий, мягко говоря, невысокий уровень культуры, а самое главное, его патологическую ненависть к нам, арестантам, нетрудно представить в какую пытку превратилось бы это мероприятие! Выходит, проще поучаствовать в подлоге, чем обрекать себя и многих своих коллег по несчастью

⁴ КВР – комната для воспитательной работы.

на откровенную экзекуцию. Компромисс, вполне оправданный компромисс! А на душе все равно гадкий осадок.

* * *

Для кого как, а для меня лично, из всего полуторатысячного населения нашей зоны, самый мерзкий житель – лагерный барыга Петруха. Говорят, эта фигура обязательная и необходимая на всякой зоне, говорят, что это далеко не худший вариант зла на подобном месте. Более того, персонально мне этот человек ничего плохого не сделал, а все-таки все равно он самый неприятный тип в нынешнем моем арестантском окружении. Я мало что о нем знаю, родом он, кажется, с Западной Украины, сидит по 105-й⁵, баптист. Братья-единоверцы с воли здорово «греют» его. Однажды видел, ожидая в решетчатой клетке приехавших ко мне на длительное свидание жену и сына, как Петруха общался через ту же решетку с этими самыми братьями, приехавшими к нему, в свою очередь, на короткое свидание. Удивительный этот был диалог. Эдакий духовно-коммерческий винегрет. Молитвы (что-то очень похоже на православное «Отче наш», но с другими словами) чередовались там с фразами самого земного характера («А сколько майонеза привезли, я сто пачек просил, паштет не забыли? Почему сигарет так мало взяли, они тут так хорошо идут... и т. п.») Объем получаемой передачи превышал положенный лимит раза в три (общий вес в шестьдесят килограммов). Удивила и особенность ее содержания – сто блоков сигарет, сто банок паштета, двести тюбиков кетчупа и т. п., не оставалось сомнений – передача, чисто «барыжная», предназначенная не для себя, а для дальнейшей выгодной перепродажи, или не менее выгодного обмена. По существующим тюремно-лагерным правилам каждый месяц Петруха отстегивает какую-то долю (думаю, достаточно скромную сумму) в общак зоны. Что-то он подкидывает локальщикам (это – «козлы», отпирающие и запирающие решетчатые калитки на «локалках» – локальных участках перед нашими бараками), что обеспечивает ему почти свободное передвижение по зоне; несомненно, что-то платит кому-то из представителей администрации, крышующих его «бизнес». Всю остальную прибыль Петруха перегоняет на волю, что-то в семью, что-то единоверцам, выступающим в его коммерции партнерами, а, возможно, и хозяевами, руководителями. Чужих денег считать не приучен, но не сомневаюсь, что с оборотом и с «наваром» у него полный порядок. Каждый рубль, вложенный в его махинации, оборачивается 20 % чистого дохода. Как-то поинтересовался я у него, можно ли обменять полученный в посылке блок сигарет «Честерфилд» (сигареты для зоны редкие и нетипичные, стоимостью около 50 рублей пачка) на «Святой Георгий» (один из самых ходовых в зоне сортов сигарет, столь необходимый для всех внутрилагерных расчетов, пачка стоит около 20 рублей). Естественно, я надеялся на обмен не менее два к одному (и мне удобно, и ему выгодно). Зря надеялся. Петруха заморгал своими светлыми ресницами, зашевелил губами и выдал свистяще скороговоркой: «За блок Честера – пятнадцать пачек Святого, по-другому не получается, иначе какой смысл...». Это к вопросу о чистом наваре, о его процентах, о его плюсах. *Выходит, и зона – кому беда, кому – мать родна...* Не слышал, чтобы кто-то контролировал аппетиты барыги нашего лагеря, следил за соблюдением им какой либо порядочности в делах. Ходят слухи, что Петруха не прочь погреть руки на операциях с мобильными телефонами, с алкоголем. В это я не верю, уж слишком он трусоват для столь серьезного в здешних условиях бизнеса, да и кто его туда пустит?

⁵ 105 статья УК РФ – убийство.

* * *

Череп с очень узкими едва обозначенными лбами. Череп со лбами, скошенными чуть ли не под 45°. Череп с чрезвычайно выпуклыми надбровными дугами. Просто черепа откровенно дегенеративных форм и конфигураций. Какой обильный материал для кандидатских и докторских диссертаций антропологов, физиологов, криминалистов, психологов и психиатров. Бездна наглядного материала для изысканий в области теории врожденных преступников, концепции прирожденного убийцы. Более того, немалая часть окружающих меня людей имеют серьезные врожденные отклонения в развитии. Разумеется, нуждаются эти люди не столько в наказании, сколько в лечении, наблюдении, прежде всего, в изоляции от основной человеческой массы. Еще раз убеждаюсь, что отсутствие разделения на нормальных и ненормальных здесь факт далеко не случайный. *Еще раз убеждаюсь, что погружение людей нормальных в подобную среду – дополнительная мера наказания, и мера, похоже, слишком жестокая, откровенно бесчеловечная, ничем не оправданная.* Верно, процент умственно отсталых, умственно неполноценных людей здесь велик, но в местной библиотеке то и дело натыкаешься на «умные» книги. Книги по философии, религиоведению, социологии, психологии, политологии, с рабочими пометками на полях, с удивительно тонко и четко выбранными для подчеркивания фразами. Фрейд, Кант, Ницше, Шопенгауэр, Конфуций, Макиавелли, Карнеги, Климов, Гумилев (тот, что историк, основоположник теории этногенеза), Ильин. В здешней библиотеке, которую посещаю в течение вот уже полутора лет, эти книги я вижу очень редко, они почти всегда на руках, они всегда востребованы. Перелистываешь любую из них и понимаешь, что предшественники брали ее не для любопытства, не для «пижонства», а для работы, для собственного умственного и душевного совершенствования. Выходит – не только «всюду жизнь», но и всюду разум, всюду биение мысли, «работа головы», пусть ее обладатели облачены в арестантскую робу, и, я почти уверен, что процент арестантов мыслящих, читающих, куда выше, чем процент сотрудников администрации, вряд ли вообще когда берущих подобные книги в руки.

* * *

Прочитал последнюю запись с недобрыми словами в адрес тех, кто должен нас охранять и воспитывать, и покачал головой: «Погорячился, нельзя так озлобляться...» Но откуда взяться интеллектуалам в персонале колонии, если оклады там более чем скромные, если работа требует присутствия «с утра до вечера», если труд этот, мягко сказать, не очень престижен, если... Да, что там говорить, снисходительнее надо быть, снисходительнее! Кстати, судя по информации о ситуации в других колониях (спасибо мобильной связи!), «положуха» у нас не самая худшая. Бывает, что и дураков в персонале встречается больше, и дерутся, бьют, наказывают куда чаще и куда более рьяно. Грех, словом, жаловаться, хотя и другое помнить надо: Никогда (ни в эпоху ГУЛАГа, ни во времена царской каторги, ни в какие прочие периоды отечественной истории) профессия тюремщика, профессия тюремного острожника почетом и уважением не пользовалась. И не во всех компаниях этим людям подавали руку. Кстати, как коллекционер-фалерист могу привести очень любопытный факт по этой теме. В царской предреволюционной России, в продуманной, взвешенной до мелочей системе государственных наград существовала медаль для службы в тюремной страже. И это в одно время с медалью за службу в полиции. Где-то я читал, что тогда в России служившие в полиции настаивали, чтобы их не путали с теми, кто служит по «тюремной части».

* * *

По старым тюремным понятиям «мужик»⁶ – центральная фигура на зоне, требующая уважения, поддержки, защиты. Так было в эпоху сталинского ГУЛАГа (подтверждений тому в литературе великое множество), так было и в современных лагерях, по крайней мере, до недавнего прошлого. Во всяком случае, «воровские прогоны» (своего рода программные документы, регламентирующие все нюансы жизни криминального мира), с которыми приходилось знакомиться в московских СИЗО еще в 2007–2008 годах, продолжали тиражировать тезис об уважительно-главенствующем статусе «мужика». Теперь ситуация, похоже, радикально меняется. Боюсь, что наш лагерь в этой тенденции лидирует. И примеров тому, во всяком случае, в масштабах нашего отряда, великое множество. «Мужикам», многим из которых уже за пятьдесят, спальные места определены на сквозняке в проходной секции (части барака в непосредственной близости от «обиженных»). И это в то время, когда третья секция, куда более теплая и комфортная, целиком отдана «козлам» (арестантам, добровольно вставшим на путь сотрудничества с администрацией, занимающим ставки малоуважаемых должностей завхоза, дневального и т. п.). Зато на каждом собрании отряда «смотрун» и прочие представители блатной иерархии настойчиво призывают «мужиков» «делать взносы», «перечислять», «помогать», «уделять». Речь идет о взносах «на общак», на нужды тех, кто в изоляторе, в санчасти, в пользу тех, кто дежурит «на атасе», для тех, кто убирает в бараке, кто накрывает на отряд в столовой и т. д. и т. п. Верно, помогать неимущим надо. Правильно, делиться в тюрьме просто необходимо, но разве можно при этом «мужика», центральную персону лагерной жизни, стричь до «синевы», и это при наших зарплатах в сто рублей! Кстати, я просто не слышал о ситуации, когда тот же «блаткомитет» решил бы хотя бы один из актуальных для «мужика» вопросов (зарплаты, поощрения и т. п.).

* * *

Моя недавняя очередная «свиданка», вместо предусмотренных законом трех суток, составила только двое. Решение принималось начальником отряда, с участием завхоза отряда. Завхоз – уже упоминавшийся персонаж моего нынешнего окружения, часто путающий украинские и русские слова, запоминающийся внешностью – все-таки 200 кг живого веса. Присутствовал и его зам – Алексей («козел», знакомый мне еще по лагерю «Березовка», где он пытался подвизаться в библиотеке, то ли в качестве дежурного, то ли в качестве «шныря» при главном библиотекаре Василии В., «суперкозле», возглавлявшем актив всей зоны). Мои попытки отстоять свои трое суток с помощью общечеловеческих аргументов (едут издалека, не блещущие здоровьем жена и сын и т. п.) приняты во внимание не были. Начальник отряда (также уже ранее упоминавшийся капитан «Василиса») не поднимал головы от бумаг. Завхоз начинал клевать носом и откровенно похрапывал. Только рыжий Алексей затараторил отработанные: «Много желающих в этом месяце... на отряд выделили ограниченное количество дней, если не устраивает – можно перенести свидание на следующий месяц, возможно тогда с днями полегче будет». Скрипя сердцем, согласился на «обрезанный» вариант встречи с семьей. Проглотил обиду, отчасти смалодушничал, возможно, надо было упираться, настаивать, требовать положенных трех суток. Свидания в полном варианте в этом случае я бы добился, но оно бы перенеслось на месяц позднее, таковы здешние незыблемые правила. Но продлевать на месяц разлуку с близкими не хотелось, да и кто

⁶ Мужик – арестант, выходящий на работу, ничем себя не скомпрометировавший, поддерживающий «общак» и т. д.

знает, что может страстись за этот месяц. *Переменчива судьба арестанта – вдруг переезд, новый этап, или, того хуже, какой-то «залет», по которому так легко угодить в изолятор.*

Стоит ли рисковать? Короче, позволил украсть один день своего счастья. А чуть позже выяснилось, что свидание «козла» Рыжего, выпавшее чуть позже, чем мое, длилось... аж шесть суток!

* * *

Скользнул взглядом по окружающим «декорациям», и только навскидку насчитал четыре вида решеток: фундаментальная, почти двухметровая решетка, отделяющая нашу локалку от прочего пространства зоны, не менее основательная решетка на пути к административному корпусу, решетка на подходе к «промке», ажурная декоративная, но все равно железная, но все равно решетка, на окнах барака. Решетка, как препятствие по перемещению по и без того ограниченному пространству. Решетка, как составляющая часть пейзажа. Решетка, как часть бытия. Решетка, как составляющая часть наказания. Решетка – символ. Решетка – напоминание. Смысл этого слова для меня отныне будет всегда связан с неволей, насилием, унижением. Еще совсем недавно это слово имело для меня иной смысл. Услышав его, представлял не тюремные «декорации», а что-то историко-художественное. Например: ставшую всемирно знаменитой решетку Летнего сада в Петербурге. Узнаваемую решетку столичного Александровского сада. Решетку Кремлевского сада в Туле (малая моя родина, город моей юности). Да, обстоятельства вносят в, казалось бы, устоявшиеся представления жесткие, необратимые коррективы.

* * *

Еще одна «мордобойная» новость. Двое моих соседей «схлопотали» по изрядной порции кулачно-пинковой педагогики. Хотя многие в отряде считают это наказание вполне заслуженным, если не сказать, сознательно спровоцированным. Эти двое, вечно озабоченные своими телефонно-виртуальными шашнями с представительницами слабого пола, отправились фотографироваться (в качестве фотоаппарата использовалась камера мобильного телефона) на фоне характерных лагерных достопримечательностей. Естественно, фотосессия была затеяна с расчетом на последующую пересылку дамам сердца. Кадр на фоне лагерной церкви (купола и вышки рядом – круто), кадр на фоне интерьера барака (сюжет спартанской обстановки, непременно должен вышибать слезу у слабого пола). А вот кадр на фоне кухонного интерьера (просто экзотика для вольного человека) не получился. Какой-то сверхбдительный прапорщик застал участников фотосессии, что называется, «с поличным» за попыткой сняться на фоне котлов, столов, и, разумеется, телефон изъял. Любители фотоэкзотики пытались спорить, пытались договориться «за деньги». Бесполезно. То ли свидетелей было слишком много, то ли обещанные деньги были слишком малы. Затейный спор плавно перенесся на «вахту», где любителей экстремального фотоискусства банально поколотили. Неоприходованный, не запротоколированный телефон, разумеется, остался на «вахте», как «трофей». Скорее всего, через неделю-другую он всплывет в другом отряде, как приобретенный кем-то из арестантов «по своим каналам».

* * *

Много, очень много можно сказать о человеке, услышав его смех. Не знаю, что говорят по этому поводу психологи и психиатры, но, мне кажется, что особенности смеха поз-

воляют судить не только об уровне образования, воспитания и культуры человека, но и о его характере, психическом здоровье. Вот Леха Фрол смеется в любое время суток (это не преувеличение, он по ночам часто стоит «на атасе», бодрствует), по любому самому пустячному поводу. Расхожее выражение «покажи ему палец, он смеяться будет», кажется, адресовано именно ему. Смех неприятный: силпый, с нервными перепадами. При смехе обнажаются передние зубы неровные, желто-коричневые от злоупотребления чифиром. Именно когда Фрол смеется – обращаешь внимание, как неестественно велики у него белки глаз, как выпирают надбровные дуги его черепа, как мал и круто скошен участок лба от бровей до волос. Иногда вижу в его руках книги, исключительно в жанре «фэнтези». Вот Серега Рыжий, он же Серега-артист. У него совершенно неповторимый смех. Какой-то горловой, почти тирольский, с невероятными переливами, коленцами. Иногда, кажется, что он может подавиться, захлебнуться собственным смехом. Он здорово смахивает на знаменитый персонаж из телевизионной экранизации шедевра М. Булгакова. Не обижается, когда его называют «Полиграф Полиграфыч» (впрочем, возможно, этого фильма он и не видел). Не обиделся он и тогда, когда я, не выдержав, сказал, что на том свете черти непременно заставят его слушать фонограмму собственного смеха. Возможно, смысл слова «фонограмма» ему просто непонятен. И в его руках достаточно часто бывают книги – исключительно в ярких обложках, с очень похожими названиями («Я бандит», «Исповедь вора в законе», «Месть Косоного» и т. д.). И у него при смехе обнажаются зубы, правда, не такие коричневые, как у Фрола, но не менее широкие, истинно «лошадиные». А еще при смехе у него часто вылетает изо рта слюна. «Ведет бактериологическую войну», «один грамм слюны Рыжего убивает лошадь или двух мусоров», – шутят соседи по проходняку⁷. Частенько звучит в эфире барака и смех Сереги Круга. Смех на первый взгляд-слух, заразительный, по-детски непосредственный, переливчатый, но... когда Круг смеется, – верхняя челюсть выдвигается вперед и нависает над нижней, а еще при смехе он часто начинает давать «петуха», сбиваясь на фальцет, часто просто не может остановиться. Показательны и причины смеха – чаще всего пустячные, откровенно глупые. Слушаешь подобное и невольно вспоминаешь, что у Сереги неправильный асимметричный череп и более чем странная походка, не вразвалочку, а враскачку, с громадной амплитудой. Где-то я читал, что подобная походка – верный признак того, что в работе одного из полушарий мозга что-то серьезно неладно. Заодно вспоминаешь, что за все время (почти полтора года) нахождения с ним в одном бараке, ни разу не видел в руках ни книги, ни газеты. К месту ли, нет, вспоминаешь, что у Сереги уникальная говорящая наколка, и в плане текста, и в плане места, для нее выбранного. На затылке, чуть ниже макушки у него набито: «Бойтесь бляди, крыша едет!». Сами догадайтесь, как долго, и как громко, и с какими прочими особенностями может звучать смех человека, «украсившего» подобным образом свой череп. Неподалеку от меня базируется еще один мастер «громкого смеха» – Андрюха Макар. У него однообразный, очень тоненький, несопоставимый с его более чем стокилограммовой комплекцией, смех «хи-хи-хи-хи». Его смех я воспринимаю очень индивидуально. Почему-то сразу вспоминается, как еще год назад оказался свидетелем его разговора с матерью на «коротком» свидании (в той же, разделенной решетчатым коридором комнате, где я дождался встречи с адвокатом). Даже не дослушав рассказа матери о последних семейных и деревенских новостях, он заволновался: «А что так мало сигарет с фильтром привезла? А почему колбаски не купила?» Матери ничего не оставалось делать, кроме как развести руками, нервно поправить платок и тихо спросить в свою очередь: «А ты забыл, какая у меня пенсия?...» – «Надо было занять, занять надо было, я от „Примы“ кашляю, по колбасе соскучился», – не унимался Андрюха.

⁷ Проходняк – участок барака, ограниченный двумя рядами двухэтажных коек.

Самое поразительное, что этот самый Андрюха («Хи-хи-хи»), Серега Круг (заразительно переливчатый), Серега Артист (почти тирольский), Леха Фрол (просто сиплый смех идиота) часто смеются одновременно и очень громко. Не менее удивительно, а возможно (вполне естественно), что среди людей, ныне меня окружающих, есть и вовсе несмеющиеся. Их я не видел смеющимися никогда, ни при каких обстоятельствах. Мне кажется, я их понимаю.

* * *

На ближайшей к нашему бараку будке локальщика появилась вывеска-табличка: «Пункт Гласности», «открыт с 8.00 до 19.00». Что это значит и как это должно отразиться на нашей теперешней жизни, нам никто не объяснил. Домысливали сами. Наверное, предполагалось, что арестанты должны нести свои проблемы и горести в эту будку, чтобы сообщать об этом то ли дежурному (в будке есть трубка прямой связи с дежурным по зоне), то ли в приватной беседе кому-нибудь из пришедших сюда специально для этого представителей администрации. Ясно, что подобное нововведение не могло появиться без «благословения» каких-то больших начальников. Не менее ясно, что родилась эта инициатива не от большого ума. «Локальщик» на зоне не то чтобы неуважаемая, а откровенно презираемая должность. Да и как могут здесь относиться к зеку, добровольно и целенаправленно избравшему путь сотрудничества с администрацией? Чья лояльность по отношению к администрации доказывается регулярно «сливаемой» информацией о нарушителях всех сортов среди арестантов? Не секрет, что и сама будка всегда использовалась и используется как явочная точка для встреч и переговоров стукачей-арестантов со своими кураторами в погонах. По большому счету – будка локальщика – символ всей подлости и гнусности, накопившейся и царящей в зоне, вечное предостережение и т. д. И, вдруг – добро пожаловать с наболевшим сюда... в эту выгребную яму. Очень похоже, что автор этого нововведения просто не имеет ни малейшего представления о том, что такое зона, какие нравы и обычаи здесь царят.

* * *

Я крещен в младенчестве, в зоне стал еще более верующим, укрепился, как говорят, в вере. В церкви бываю регулярно, хожу туда не по причине стадного инстинкта, не со скуки, не для того, что бы покрасоваться на глазах у других, хожу по внутренней потребности. Именно здесь, за колючей проволокой я стал понимать, что такое молитва, здесь я выучил несколько молитв наизусть (до этого, к стыду своему, не знал ни одной). Но ни разу за все три с половиной года (общий стаж моей неволи, включая столичные СИЗО) ни вслух, ни письменно, ни в молитвах не произнес слова «смирение». Признаюсь, даже не вспоминал этого слова. Видно слаба пока моя Вера. Или все мои испытания – только вступление к испытаниям будущим, куда более серьезным?

* * *

В ассортименте лагерного ларька нет сахара, когда-то был, потом запретили, в целях борьбы с брагоделанием и самогоноварением. Аргумент – глупость несусветная, и в посылках, и в передачах сахар получать можно. Да и что там получать, самое время вспомнить, что второе производство на зоне, меловое. Для расфасовки готовой продукции – мела, в зону регулярно поступает громадное количество мешков, как новых, так и бывших в употреблении. Во многих из последних хранился сахарный песок. Если подобный мешок тщательно

вытрясти, можно получить от 100 до 400 граммов сахара. Пусть не очень чистого, пусть с крошками неведомого происхождения, с ниточками непонятной принадлежности, но... все-таки – сахара! Впрочем, скорее всего это вовсе не глупость, а вовсе наоборот. Меньше будут покупать сахар – меньше будут изготавливать суррогата (браги, самогона), больше будут пользоваться услугами алкогольных и наркологических барыг, бизнес которых в зоне процветает. Похоже, здесь и «зарыта собака».

* * *

Сосед по столу, за которым мы завтракаем, обедаем и ужинаем, обнаружил в утренней каше бритву, точнее лезвие бритвенного станка разового пользования. Чудом не проглотил. Бритву увидел в самый последний момент уже в ложке, поднесенной ко рту. То ли чья-то нелепая неосторожность, то ли чья-то маниакальная забава. Впрочем, какая разница? Всем, видевшим это, стало не по себе. Обмена мнениями не последовало, остаток завтрака прошел в угрюмом молчании.

* * *

В нынешних условиях и обстоятельствах неряшливые, неопрятные, не следящие за собой люди особенно неприятны. Но более неприятны те, кто демонстрирует нездоровую, патологическую чистоплотность. Типичный пример подобного поведения – Александр М. (хронический алкоголик, убивший по пьяному делу сожительницу), отсидевший уже года четыре, но, похоже, так и не избавившийся за это время от последствий влияния «зеленого змия» на психику. В любое время, регулярно, почти круглосуточно, он стирает, полощет, сушит, рассматривает на свет какие-то неопределенного цвета тряпочки, что служат ему то ли носовыми платочками, то ли полотенцами для ног, то ли еще какой-то гигиенической ветошью. Эту нехитрую работу он выполняет с особой сосредоточенностью, угрожающе посапывая, грозно посматривая по сторонам темными, полными гнева глазами. При этом передвигается мелкими, шаркающими, приставными шажками. Наблюдать подобное день, другой – мило и забавно. Видеть это каждый день (впрочем, и ночью тоже) на протяжении недели, тем более месяца, реальный повод сойти с ума. Тем не менее терпеть надо и это. Соседей в тюрьме не выбирают. Да и не худший это сосед, в его руках я видел серьезные, заставляющие думать, книги. Доводилось слушать и его вполне здравые рассуждения по насущным проблемам нашего нынешнего бытия. Разумеется, в перерывах между его любимыми занятиями стиркой, полосканием, сушкой.

* * *

В отряде очередной «шмон», «бессмысленный и беспощадный». Всех, кто не вышел на работу, в это время, выводят в локалку. Полтора-два часа бригада прапорщиков-«шмонщиков» переворачивает наши кровати. Они копаются в тумбочках, перетряхивают сумки. Ищут «запреты», главным образом, брагу и прочий алкоголь, мобильные телефоны, и все, что имеет к ним хоть какое-то отношение (сим-карты, зарядные устройства и т. п.) Правда не видел ни разу, чтобы изъятие последних сопровождалось оформлением протокола, акта выемки и прочих необходимых документов. Зато нередки случаи, когда арестанты, утратившие в ходе «шмона» свои средства связи, договариваются со «шмонщиками», на коммерческой основе, разумеется. Оплата в зависимости от марки телефона. Тариф колеблется от пятисот до двух-трех и более тысяч рублей. Похоже, что это специфическая особенность

именно этой зоны. В зоне моего прежнего нахождения ничего подобно не практиковалось. Более того, каждый, у кого «со шмона» изымался телефон, и все, что имело к нему отношение, почти автоматически получал от пяти до пятнадцати суток изолятора. Выходит, режим в здешнем лагере – более гуманный, более лояльный, и более... продажный. Бывает, что один и тот же телефон изымается, выкупается, снова «отшманивается» и опять возвращается хозяевам по нескольку раз. А у меня лично в ходе этого шмона изъяли, или, как тут говорят, «отмели» два кипятильника. Эти приборы не относятся к категории запрещенных, но мои кипятильники уже не раз побывали в ремонте, их внешний вид красноречиво свидетельствует об этом (что припаяно, что подлатано, что привязано). Короче, с точки зрения пожарной безопасности – они уже не безопасны, потому их и отмели. До тех пор, пока родные не пришлют в посылке новые, придется арендовать у соседей.

* * *

Оказывается, нынешний российский арестант имеет законное право получать сколько угодно раз в год посылки книжно-канцелярского содержания (книги, газеты, ручки, бумагу и т. п.). Выходит, в Березовке (месте моего прежнего нахождения-содержания) этот факт от меня тщательно скрывали представители тамошней администрации, и на все мои вопросы по этому поводу, пряча глаза, бубнили «не положено», или угрюмо отмалчивались. А по закону, оказывается, положено! Главное, чтобы в этой посылке или бандероли не оказалось ничего лишнего, ни пачки сигарет, ни пары носков, ни плитки шоколада и т. д., и чтобы книги и прочая печатная продукция не несли в себе ничего запретного (пропаганда экстремизма, национализма и т. п.). Правда, как представители администрации моей зоны будут выявлять в печатной продукции приметы этого запретного, мне даже представить трудно. Слишком малограмотные, откровенно несведущие эти люди. Помню, каких хлопот и нервов стоило недавно объяснить мадам, выдававшей мне мое заказное письмо, что присланный мне номер газеты «Совершенно секретно», не содержит в себе ничего запретного. Помню, как тревожно подрагивал кончик ее носика, как нервно искали место руки с плохо сделанным маникюром, как нелепо звучали ее аргументы: «А вот тут про милицию написано: „Милиционеры – наркодельцы...“ Это не положено... Это через отдел безопасности надо... Это...» Впрочем, проблемой кадров, что трудятся сегодня в Российских колониях, пусть занимается УФСИН Российской Федерации. Придумывает для них тесты на интеллектуальность, на предельно допустимый уровень невежества, степень культуры, начитанность и т. д.

* * *

Прочитав Ломброзо, ощутил впечатление смешанное, интерес и легкое огорчение-разочарование. Последнее – оттого, что выводы, откровения, открытия знаменитого итальянца во многом совпадают с моими выводами, откровениями, открытиями. Выходит, мои откровения, открытия – уже не открытия. Обо всем этом Ломброзо уже сказал, написал, напечатал более ста лет назад. Обидно по-детски. Я наблюдал-наблюдал, смотрел-смотрел, жил-переживал, оказывается, все уже давным-давно сформулировано, разложено по полочкам. Удивительно, но среда, которую итальянский ученый избрал полем своей деятельности, несмотря на разницу во времени и в пространстве (пользовался он материалами, собранными в странах Западной Европы), и моя нынешняя здешняя среда во многом очень похожи (нравы привычки, традиции). Принципиальная разница только в месте и статусе исследователя. Итальянец изучал все это со стороны в качестве ученого, а я сам – часть этой среды, плоть от плоти, кровь от крови...

* * *

Почти каждый день, приблизительно с половины десятого до половины третьего в бараке отключают воду. Приблизительно в это же время у нас отключают свет. Что за этим? Экономия? Профилактика? Следствие каких-то где-то производимых работ? Впрочем, какая разница, барак российской зоны начала XXI века, лишенный света и воды – родной брат каземата раннего средневековья, со всеми, так сказать, вытекающими... Зато – нас не бьют! Уже «не бьют» (арестанты «со стажем» помнят не памятью, а собственной шкурой, совсем недавние времена, когда по любому пустячному нарушению, любого зека могли вызвать в «дежурку», где полдюжины дородных контролеров устраивали ему «пятый угол», или просто лупили почем зря руками и ногами). Если же быть совсем точным, «почти не бьют». Буквально на днях только что переведенный в отряд узбек Э. отхватил изрядную порцию пинков и зуботычин от отрядных «козлов» (зек-активистов, добровольных помощников администрации) за неровности в личных отношениях с режимом (уверен, «козлы» здесь действовали не по собственной инициативе, а по наущению начальника отряда). Мало того, потом азиат-горемыка был вызван в ту самую «дежурку», где известная процедура повторилась уже в исполнении прапорщиков-контролеров. Конечно, мордобой здесь уже не массовый, не повальный. Не то время, не тот зек. Грамотный сигнал в прокуратуру, правозащитникам, в СМИ может мигом обернуться для лагерного начальства непоправимыми последствиями, и, тем не менее...

* * *

И дебилов различных я видел за свою жизнь немало, и выроdkов всякого калибра встречал предостаточно, всякую сволочь наблюдал в избытке, но чтобы все это в таком количестве, и в такой концентрации, на таком ограниченном, полностью изолированном участке! Такого даже представить не мог. При всей своей фантазии. При всем своем жизненном опыте. Удивительно, а, скорее всего, все-таки закономерно, что представители вышеперечисленных категорий, составляют немалую часть не только тех, кто оказался здесь в качестве отбывающих наказание, но и тех, кто приставлен к ним, то есть к нам, в качестве охранников и воспитателей. Впрочем, никаких примет воспитательного процесса за все время нахождения здесь я не обнаружил, похоже воспитание заменено или подменено здесь (богат русский язык) унижением, и факт этот, кажется, вполне устраивает и ведомство, которое является главным распределителем на означенном участке земли, и само государство, институтом, органом, частью которого ведомство это является.

* * *

Еще в Березовке, в зоне прежнего моего нахождения, я обратил внимание, что среди моих соседей, граждан республики (скорее, конечно, монархии) ФБУ ИК немало мясников, забойщиков скота. Это вовсе не значит, что из всех сидящих на строгом режиме добрая треть или четверть составляют люди этих профессий, но факт неоспоримый – представители этого ремесла здесь очень заметны. На свободе можно прожить 30,40, 50 лет и ни разу не встретиться с живым забойщиком скота, даже не иметь повода вспомнить о существовании подобной профессии, а здесь... сплошь и рядом. Выходит, регулярное убийство животных, постоянная возня с кровью, хлопоты по расчленению, разделке и тому подобное, связаны самым тесным образом с характером, наклонностями, привычками. Мой доморощенный вывод под-

твердил Чезаре Ломброзо. Он еще сто с лишним лет назад обратил внимание на ту же тенденцию. С помощью уже научных приемов, основательно изучил ее и сделал вывод: мясники составляют весьма значительную пропорцию осужденных (37 на тысячу). *Похоже, кого-то чужая кровь манит к себе, а тем, кто приходит к ней, навязывает, диктует, свои нормы поведения.*

* * *

Почти каждое утро, сразу после поверки на чахлую сиротскую клумбу, что разбита рядом с нашей локалкой, приходит старик из 11-го барака (из того барака, где содержатся зеки старше 60-ти и инвалиды). Очки, в которых дужками служат грязноватые веревочки. Шаркающая походка. Лысина в венчике седого пуха. Не очень опрятная роба. Что-то среднее между «депутатом Балтики» (в советские времена был такой фильм, где главный герой – профессор-гуманитарий из «бывших», что откликнулся на призыв большевиков послужить новой власти) и гулаговским доходягой. Он наводит порядок на клумбе, ухаживает за цветами. А еще этот человек угловатыми стариковскими движениями ловит пчел, собирающих последний в этом году мед, сажает их себе на шею, грудь, поясницу, лечится пчелиными укусами от своих хворей, при этом он разговаривает с пчелами, извиняется за причиненные неудобства, что-то рассказывает о своем нынешнем житье-бытье, делится планами на неблизкое свое вольное будущее. Бесплезно прислушиваться, чтобы уловить детали, ибо говорит старик на чудовищной смеси украинских и русских, сильно испорченных неправильными ударениями и окончаниями, слов. Впрочем, это неважно, как неважно вникать в подробности «делюги», по которой он оказался здесь. Главное, этот старик демонстрирует еще один очень индивидуальный, со стороны, возможно, отдающий тихим сумасшествием, способ выживания в этих условиях. Удачи тебе, старик! Дай бог дожить до освобождения и увидеть тех, кто ждал тебя все это время!

* * *

Перечитал мемуары Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» (знаменитая хроника времен культа личности). Перечитывал, разумеется, уже с учетом собственного арестантского опыта, что-то заставляло недоверчиво хмыкать, что-то откровенно раздражало, что-то вызывало искреннее уважение. Обратил внимание на фразу про «зоологическую ненависть» начальства (речь идет, разумеется, о гулаговском начальстве 30—40-х годов XX века) к интеллигенции. Сразу вспомнил, как реагируют иные контролеры, досматривающие нас на входе в «промку», видя в моем прозрачном пакете газеты или книгу. «Опять макулатуру с собой тянешь?..», «Ты что, в библиотеку собрался?..», «Грамотный, что ли?..» – пожалуй, это самые вежливые реплики по этому поводу. Помню глаза отрядников⁸, и прежних и нынешних, что заполняли какие-то анкеты, и на вопрос об образовании слышали от меня: «Высшее, два высших». Помню и поведение контролера, что при последнем шмоне хозяйничал в нашем проходнике. Открыв мою тумбочку, он обнаружил в ней, прежде всего, книги. Много книг. Что-то было взято в местной библиотеке, что-то дали почитать соседи, что-то пришло в посылке от жены и детей, что-то присылали сестра, племянник, друзья. З. Фрейд, Ч. Ламброзо, томик серии ЖЗЛ о бароне Врангеле, монография об И. Ильине, мемуары гэкачеписта В. Крючкова, сборник повестей Ю. Трифонова, стихи Н. Рубцова, книги по истории, философии, этнографии, религиоведению. Контролер, сержант-сверхсрочник, извест-

⁸ Отрядник – начальник отряда.

ный всей зоне по кличке Володя Кретин, брал по очереди каждую книгу, тренированным движением прощупывал переплет (нет ли чего запретного), пролистывал каждую страницу (а вдруг там запрятаны денежная купюра, СИМ-карта или что-то еще «не положенное»), беззвучно шевелил губами, читая названия. Он молчал, но лицо его в этот момент говорило о многом. Была б его воля, с превеликим удовольствием, выгреб бы он всю эту литературу из тумбочки, вытащил в локалку, и... запылала бы ясным пламенем вся эта мудрость. *«Грамотный зек – опасный зек»*. *«Читающий зек – подозрительный зек»*. Вечные истины для системы, в недрах которой я ныне нахожусь. Соответственно, в этом пунктике (имеется в виду образованность, интеллигентность и элементарная грамотность) нынешние мои «охранители» и «воспитатели» ничем не отличаются от своих гулаговских коллег, чьи нравы увековечены в мемуарах Евгении Гинзбург. Ну да Бог им судья...

* * *

В зоне почти не поют песен. Во всей колонии ни в одном отряде, нет, кажется, ни одной гитары. На инвалидном стариковском бараке есть гармонь, потрепанная, хрипящая, дышащая на ладан, как и ее хромой, вечно не бритый, надрывно кашляющий хозяин. Иногда он выходит с ней в локалку. Рвет мехи. Поет, отчаянно перевирая слова и мелодии, песни из репертуара звезд советской эстрады 70-х годов прошлого века. Ясно, что уйдет этот человек (освободится или умрет), и с музыкой в зоне будет покончено окончательно. Куда же делся легендарный «блатняк»: душещипательные баллады о благородных бандитах, ворах-филантропах и жестоких прокурорах, коверкающих их судьбы, коварных мусорах, горячей «жиганской» любви? Увы, все это теперь только на кассетах, дисках DVD, в записях на мобильных телефонах. Выходит, прогресс убил живую арестантскую песню и, похоже, этому уникальному жанру народного фольклора уже никогда не возродиться? Жаль...

Но почему тогда блатной жанр так популярен в иных, «благополучных» слоях общества? Почему и благородные владельцы элитарных охотничьих ружей, и хозяева уникальных автомобилей ручной сборки, и почтенные заслуженные вояки в отставке, и эстрадные кумиры, и отважные дальнобойщики, и отвязанные автолайнщики – потребители и распространители этого пласта массовой культуры?! Думаю, не сложно догадаться...

* * *

Был бы я большим начальником в Российском тюремном ведомстве, обязательно издал бы специальный приказ, строго запрещающий сотрудникам администрации колоний... грызть семечки. По крайней мере, в рабочее время. Ничто так не разрушает авторитет ведомства, ничто так не мешает зекам уважать (да что там уважать, просто признавать в них людей!) его сотрудников, как вид, этих самых сотрудников, усыпанных шелухой, лузгающих, сплевывающих, жующих, брызгая слюной. Возможно, в других зонах все по-другому, но в этой колонии именно так: сотрудник администрации, прежде всего, прапорщик, не говоря уже о сержантах-сверхсрочниках – это, прежде всего, существо лузгающее и сплевывающее. Портативные, вполне современные рации в их руках на подобном фоне смотрятся, как некое недоразумение.

* * *

Днем, вечером, на работе, на спортгородке, порою даже среди ночи, почти во сне в мозгу рождается много любопытных, кажется оригинальных, мыслей, выводов, замечаний,

так и просящихся на бумагу в сокровенную тетрадь. Однако, выдается момент, уединяешься с этой самой тетрадью, собираешься записать все это, и... с ужасом обнаруживаешь, что доверить бумаге практически нечего. Что-то уже кажется пустяком, совершенно не достойным внимания, что-то нескромным, что-то просто банально забываешь. Из этой ситуации есть два выхода. Первый: копировать некоторых «великих», не расставаться с карандашом и бумагой даже по ночам, чуть что, сразу фиксировать свои «перлы» для грядущих книг. Второй: отнестись ко всему этому философски – что успел, вспомнил, записал – хорошо, что забыл – ничего страшного, значит, это не так важно. То, что важно, рано или поздно, все равно всплывет, напомнит о себе, а пустяков, третьестепенных деталей – не жаль. Мозг, сознание «на автомате» всегда готовы произвести своего рода естественный отбор: зерна к зернам, плевелы – в мусор. Скорее всего, выберу именно этот «второй» путь. Хотя и есть тут, что-то очень близкое к самой обыкновенной лени, безволию, неспособности организовать собственный труд. Грустно в этом себе признаваться.

* * *

Еще одна новость из разряда «мордобойных», на этот раз пострадавший – Ян Цыган из нашего барака. Сценарий очень похожий на все предыдущие – вызвали Цыгана на «вахту», и там дюжие прапорщики несколько минут «помогали» ему искать «пятый угол». Били «грамотно», стараясь не попадать в лицо и в голову. Сразу после экзекуции Яна «закрыли» в изолятор, формулировка туманная – «нарушение режима дня». Срок – 15 суток. Кстати, о формулировках, по которым здесь сажают («закрывают») в изолятор. Их совсем немного: «нарушил распорядок дня», «курил в неположенном месте», «покинул самовольно локальный участок» и т. д. Никогда в этих формулировках не упоминается ни «нахождение в нетрезвом состоянии», ни «употребление наркотиков», ни «пользование мобильным телефоном». Похоже, администрация сознательно, тщательно избегает упоминать о подобных нарушениях в своих документах. Чтобы информация не просачивалась «наверх». Чтобы не нарушалась картина общего дисциплинарного благополучия. И здесь «двойная бухгалтерия»! И здесь программа «пыль в глаза»!

Впрочем, стоп! В истории с Цыганом Яном не все так однозначно. Наблюдая его на бараке больше года, вижу, как он ведет себя, слышу, о чем говорит, знаю, как ест, как смеется. Увы, человеческого в нем очень немного, куда больше животного, откровенно животного. И дело даже не в том, что никто никогда не видел в его руках книгу (похоже, он просто неграмотен). Чего стоят обрывки его телефонных разговоров, невольным свидетелем, которых я столько раз оказывался. Дорвавшись до «общаковой» (общественной) «трубы» (своим телефоном он пока не обзавелся), Цыган то требует от жены (не просит, а именно требует, с криком, надрывом, матом) очередной посылки, где было бы «побольше колбасы с жиром, шоколадных конфет и сигарет Ява Золотая», то настоятельно призывает ее, чтобы после ближайшей «свиданки» (точнее, наверное, во время) она непременно забеременела, (а срок у него, между прочим, 12 лет, и отсидел он из него, в лучшем случае, половину). Но чаще всего он раскаляет эфир барака многоярусными проклятиями и угрозами в адрес той же самой жены, за якобы совершенные ею измены. Нет резона смаковать подробности интимной жизни моего не близкого соседа, но самое время вспомнить, что угрожать по телефону из зоны считается грубейшим нарушением тюремной этики, и вполне обоснованно! Ведь человеку, кому эти угрозы адресованы, ничего не стоит обратиться в милицию. Даже если там не дадут хода подобному сигналу, не затеют нового уголовного дела (кажется, статья 119 УК РФ «угроза убийством»), а просто позвонят в администрацию зоны и попросят урезонить раздающего угрозы зека, отрицательные последствия для барака, откуда был произведен звонок, неминуемы. По крайней мере, в виде повального «шмона», в ходе которого

многие из нас лишаются не только заветных трубок мобильной связи и с великим трудом приготовленной браги, но и остатков вольной теплой одежды, и многих прочих полезных вещей и предметов. В случае с Цыганом Яном все шло именно к этому. В очередной раз, устроив жене телефонную сцену ревности, он пригрозил ей жесточайшей расправой, заодно обещал «отрезать голову» теще, попытавшейся заступиться за дочь. Именно теща поддерживать дискуссию не стала, а напрямик обратилась в милицию, откуда незамедлительно последовал соответствующий сигнал в зону. Оперативной, в принципе вполне предсказуемой, реакцией на это и был вызов Цыгана на вахту с последующей экзекуцией. Хорошо, что на этот раз за этим не последовало повального шмона. Лично я считаю тумачи, полученные Яном, вполне заслуженными, однако признавать мордобой законным средством в арсенале администрации – это уж слишком! Нет, нет, мусорской «мордобой» в зоне – величайшая дикость, грубейшее попрание закона, откровенный беспредел!

* * *

По лагерному радиовещанию, по утрам, сразу после гимна РФ, начали транслировать запись утренней гимнастики. Запись, как и фонограмма гимна, полна хрипов, шорохов и прочих дефектов. Арестанты нововведение оценили как дурной знак: «Вот зарядку передавать начали, значит скоро всех после подъема в локалку выгонять будут, по принудилровке руками, ногами махать заставят. Потом что-нибудь еще придумают. Опять мусора режим наворачивают». Насколько верны эти прогнозы, покажет время. Лично мне от этого нововведения ни жарко, ни холодно, но новая фонограмма, с неестественно бодреньким голосом диктора-массовика звучит нелепо на фоне унылого пейзажа зоны, да и представить себе перед каждым баракком разновозрастную и разношерстную толпу зеков, делающих зарядку, как-то не получается. Не хватает фантазии...

* * *

Моя зарплата за последний месяц составила всего 120 рублей. «Бешеные деньги»! Конечно, аукнулись вычеты за питание, за «бич-пакет» (так в зоне называют ежемесячно раздаваемые санитарные пакеты, в состав которых входит набор разовых бритвенных станков, крохотный тюбик зубной пасты, микроскопический кусочек мыла, тощий рулончик туалетной бумаги), возможно, даже за арестантскую робу, телогрейку и прочую «экипировку», но все-таки... 120 рублей за месяц? При работе в три смены, включая ночные? При работе с полипропиленовой пленкой, общение с которой человеку здоровья вряд ли прибавляет? В Москве на эти деньги можно 4 раза проехать в метро, или выпить чашку кофе (без булочки), или купить несколько газет. Совершенно ясно, что начисленные подобным образом деньги не имеют ничего общего ни с реальным объемом выполненных мною работ, ни с элементарным здравым смыслом. Попытался что-то выяснить по этому поводу у своего сменного мастера, майора Н. (у него звучная кличка «Наркоман», напоминающая о его прошлой работе в местной службе наркоконтроля, откуда он пришел в систему УФСИН, чтобы то ли переосидеть, то ли спрятаться, ибо известно, что из той системы просто так не уходят). Но он то отводил глаза, то бормотал что-то совершенно невразумительное об ошибках бухгалтерии, перепутанных данных, неправильных нарядах. С теми же вопросами я обратился к старшему мастеру лейтенанту М. (вся колония знает его под кличкой «Малец», в более узком кругу с учетом всех моральных качеств его куда более тихо называют «Подлец»). Не прекращая лузгать семечки (характерная привычка доброй половины состава администрации зоны, о которой я уже говорил), он понес какую-то несуряцицу, в которой существительные употреблялись без падежей, в глаголах путались окончания, предлоги заменялись матом, лишь

в конце своей полубредовой тирады он сформулировал вполне четкий встречный вопрос: – «А ты че, сюда зарабатывать приехал?».

Совершенно ясно, что деньги наши откровенным и самым бесстыдным образом разворовываются. И терпеть это недопустимо, и перспективы «качать» права здесь весьма зыбкие. Тем не менее, оставлять все это без внимания, прощать, «проглатывать» – нельзя, иначе я просто перестану себя уважать.

* * *

Али Борз, чеченец, бывший «смотрун» нашего отряда, переведен в одиннадцатый отряд. Тот самый, где сидят-содержатся в основном старики и инвалиды. Вчера мы пересеклись с ним накоротке, как всегда перебросились фразами-приветствиями, фразами-новостями. То, что я услышал, на этот раз поразило и удивило. На мой почти дежурный вопрос: «Ну как там на новом месте?» – прозвучало леденящее откровение: «Я теперь нахожусь среди людей, многие из которых четко сознают, что шанс выйти живыми у них, с учетом возраста, большого срока и собственных болезней ничтожен. Умирать им придется, скорее всего, здесь, более того, у многих из них на воле нет никого, кто мог бы забрать отсюда его тело и похоронить достойным образом. Жуткое ощущение». Похоже, я многое не углядел, недооценил в человеке, который неформальным образом «рулил» баракон, в котором я провёл уже полгода своего лагерного стажа.

* * *

В один прекрасный день со всех туалетов на швейном участке «промки» были сняты с петель и перенесены неизвестно куда все двери. Каждый, справляющий нужду, теперь оказывается в очень интересном, истинно «прозрачном» положении, подробности которого комментировать смысла нет. Из сбивчивых, откровенно бестолковых объяснений мастеров выяснилось, что подобное нововведение осуществлено по распоряжению администрации. Якобы начальство недоволено, что «спецконтингент» (то есть мы, арестанты) слишком часто и слишком подолгу уединяется в этих местах и тем самым отлынивает от работы. Удивительно, что подобное происходит в регионе, считающемся вполне цивилизованным, «продвинутым», откуда до столицы поездом добираться всего одну ночь. Заповедник невежества! Инкубатор дикости и кретинизма! А кто-то говорил мне, что эта зона – чуть ли не образцовая то ли в регионе, то ли во всем ведомстве...

* * *

Оказывается, в зоне существует и, по всей вероятности, процветает «черный рынок» продовольствия. Его ассортимент составляют продукты, украденные из столовой. Наши продукты. Из нашей столовой. Цены гибкие, в зависимости от числа и степени влиятельности посредников. Мясо вареное, то самое, что исключительно редко появляется в наших мисках, – от 60 до 100 рублей за килограмм. Масло сливочное (в обычном арестантском рационе его нет, оно положено только тем, кому санчастью прописана диета) – 80 рублей за килограмм. Яйца (получаем исправно по субботам в ужин по одной штуке) – 60 рублей за десяток. Эквивалент наличных денег – сигареты с фильтром, самые ходовые – «Ява Золотая». Оценивать это явление с общечеловеческой точки зрения – мерзость! Вспомнить «постулаты» тюремного кодекса – мерзость вдвойне, тяжкий грех, гадкий коктейль из «крысятничества» (воровства у своих, таких же, как ты, арестантов) и «барыжничества» (наживе на нуж-

дах ближних, опять же, таких же, как ты, арестантов). Подобное неминуемо жестоко должно караться, но... Если черный рынок харчей в нашей зоне существует давно и в виде отлаженного механизма, значит, это всех устраивает, значит, кто-то «крышует», разрешает, покровительствует. Выходит, и доходы с продажи украденных у нас продуктов делятся в нужной пропорции между нужными людьми. Значит, рыночные отношения в самом уродливом виде пронизали жизнь этой зоны. Повторяю, – это не частные, редкие случаи, это – система, отлаженная, законспирированная, масштабная. Кстати, право на диетическое питание (питание, прописываемое санчастью, особо нуждающимся, тяжелобольным) в зоне также продается и покупается. Если этот вопрос «решать» через санчасть (понятно, в конспиративном порядке, при чьем-то поручительстве и чьих-то рекомендациях), подобное благо будет обходиться в 1200–1500 рублей ежемесячно. Если напрямую, с кем-то из тех арестантов, что подвизались на кухне, и чьи лоснящиеся хари мы регулярно видим в окошке с табличкой «выдача пищи», такса почти вдвое меньше. С учетом меньших гарантий и большего риска, понятно.

Конечно старые зеки-романтики, воспитанные на «правильных» традициях, узнав подобное, задохнутся в праведном гневе. Молодым же остается, похоже, только развести руками и произнести сакраментальное: «Не мы – такие, время – такое!». Тем не менее, традиционное разглагольствование об арестантской порядочности, братстве и справедливости на подобном фоне выглядят более чем несуразно.

* * *

Помог соседу в написании «подметного» письма. Впрочем, почему «подметного»? Он готов поставить свою подпись под этим документом, в нем ничего не придумано, просто я помог человеку изложить ситуацию в соответствии с нормами русского языка, подсказал правовые акценты, которые он самостоятельно в силу своего весьма скромного образования и последствий хронического многолетнего алкоголизма никогда бы не смог расставить. Содержание документа, адресованного начальнику колонии, полковнику внутренней службы Чесалину говорит само за себя:

«20 октября 2010 года начальник 9-го отряда капитан внутренней службы Васильев в присутствии свидетелей, без объяснения причин сорвал со стены бумажную икону с изображением Иисуса Христа, скомкал ее и бросил на пол.

Прошу Вас:

а) объяснить Вашему подчиненному неправомерность и недопустимость подобных действий;

б) оградить меня и моих соседей от повторения подобных действий, грубо противоречащих существующим конституционным и правовым нормам;

в) принять во внимание, что в случае повторения подобных действий, я буду вынужден в установленном законом порядке обращаться за помощью в соответствующие инстанции и учреждения». Число, подпись.

Согласно существующему регламенту эту бумагу сосед отдал в руки вышеупомянутого начальника нашего отряда капитана Васильева. Так положено, и соблюдение этого положения от нас требуют неукоснительно. Реакцией последнего была откровенная, почти женская, истерика. Он то вызывал к себе автора документа и выкрикивал ему в лицо вопросы: «Ты? Чего хотел? Кто тебя научил? Кто это писал?», то отправлял его обратно, потом вызывал его снова и повторял вопросы уже в обратном порядке. Увы, довести дело до конца и добиться, чтобы указанное послание попало в руки главного адресата – начальника зоны у моего соседа духа не хватило. Годы активного алкоголизма бесследно для волевых качеств не проходят. Благородный порыв добиться справедливости сменился в нем более привычной, сонной безвольной апатией («Куда идти? Чего требовать? Зачем? Ведь и так уж не все

так плохо»). Зато отрядник моментально этим воспользовался, составленную при моем деятельном участии бумагу моментально «потерял». Правда, наш проходняк он стал обходить стороной. К великой радости всех там обитающих. И формального автора известного документа просто перестал замечать. К еще большей радости последнего. Это победа! Велика сила не только печатного, но и рукописного слова!

* * *

Тысячу раз прав тот, кто когда-то заметил, что для зека хорошей погоды не бывает. Для него в любое время года любая погода – плохая, любая погода приносит болезни, страдания, хлопоты, унижения. Кончающееся лето было отмечено жарой. Небывалой! Бьющий все рекорды! Соответственно, жаре сопутствовали мухи, духота, и та особенная тюремная вонь, что непременно присутствует в помещении, где собирается много людей, лишенных свободы, независимо даже от того, как часто они посещают баню. К тому же эти люди привыкли курить в помещении, где спят, там же с удовольствием харкают себе под ноги, порою забывают своевременно стирать свои носки. Другой неразлучный спутник жары в наших условиях – простудные заболевания всех видов. Причина проста, как меню арестанта: оглушенные жарой зеки хлебают почем зря воду из-под крана, обливаются той же, далеко не теплой водой, подставляют разгоряченные тела под сквозняки, которых в любом бараке более чем предостаточно, понятно, столь резкие перепады температуры оборачиваются ангиной, гриппом и всякими ОРЗ. *В санчасть обращаются только самые настойчивые, самые терпеливые, наиболее привыкшие к унижению, хамству, незаслуженным обвинениям и упрекам.* Да и как иначе, ведь в каждом приходящем туда арестанте лагерные медики видят исключительно симулянта, стремящегося, во что бы то ни стало выхлопотать себе освобождение от работы. Другая причина тщетности обращения к лагерным медикам за помощью – отсутствие в санчасти медикаментов. «У нас этого нет, мы этого не получали, у нас это уже кончилось», – дежурные объяснения по этому поводу. Всерьез подобные аргументы никто не принимает, по зоне давно гуляют слухи, что все поступающие сюда медикаменты разворовываются, сбываются налево. Так ли это или нет, никто из нас, наверное, никогда не узнает, но факт остается фактом: лечить в местном лазарете, где нам никогда не рады, по сути, нечем. Лучшее универсальное лекарство в наших условиях – собственная воля, самовнушение. Так и выживаем!

* * *

Верхнюю койку справа от меня занимает узбек Эркин, имеющий привычку скрипеть зубами во сне. Подобные звуки к категории тихих, тем более приятных никак не относятся. Такое впечатление, что зубы его сплошь из нержавеющей стали и жует он часов по 15 в сутки (во сне он проводит все свободное от работы, построений и приема пищи время) исключительно гвозди и колючую проволоку. Койка под Эркином принадлежит Сереге Н. Хороший парень. Вот только чай пьет (скорее заглатывает) с невероятным клочкотанием, присвистом и бульканьем. На верхней койке, прямо надо мной располагается Саша Морячок, у него непреодолимая потребность сморкаться едва ли не каждые 5 минут, справедливости ради замечу, что сморкается он в платок (а не в два пальца, как многие мои нынешние соседи), к тому же регулярно стираемый. Но звуки, издаваемые при этом, от этого более приятными не становятся. Еще рядом обитает Костя Боцман. У него уникальная способность, едва коснувшись подушки, начинать храпеть в какой-то агрессивно-звериной манере с рыканьем, вибрирующим рокотом и злобным шипением. По соседству живет еще один узбек, настоящее его имя мало кто способен произнести, но сам он охотно отзывается на русское имя Федя. И за ним

пунктик. Забывает во время сходить в баню и стирать свою одежду, потому и попахивает откровенно мочой. Чуть дальше занимает «пальму» (так на тюремном аргю называется верхнее место двухъярусной кровати) Паша К., человек почти интеллигентный, но очень часто ужинающий среди ночи со всеми вытекающими звуками (скрежет открываемых консервных банок, хруст кусаемой луковицы, плюс до боли знакомое раскатистое чавканье), которые он выдает за признаки недюжинного аппетита. А еще добрая половина моих близких соседей предпочитает курить, не покидая своего спального места, двое спят не раздеваясь и забывая регулярно стирать носки, один кричит по ночам, один разговаривает во сне на родном гор-танном языке. *Вотуме действительно: великое искусство жить и уживаться среди людей и умудряться видеть в них не только то, что в первую очередь бросается в глаза!*

* * *

Психолог колонии, женщина в звании майора, тестировавшая моего знакомого чеченца, позволила себе в разговоре с ним бесцеремонное откровение: «Вот после Отечественной войны 60 с лишним лет прошло, а немцев мы до сих пор не любим. А у вас там, в горах, война и не кончалась, русских почему зря режут. За что вас любить?» Очень похожую позицию занимают и многие представители администрации зоны. Моему соседу, опять же чеченцу, Мусе М., пытавшемуся добиться хотя бы каких-то разъяснений по поводу собственного зачисления в разряд «склонных к побегу» (так называемых носителей красной полосы, чьи фотографии на специальных стендах, чье местонахождение проверяется регулярно и т. д.) высокий лагерный чин ровным без всякого раздражения голосом пояснил: «А ты родом откуда? Ага! А по национальности ты кто? Вот тебе и все ответы на все твои вопросы по поводу полосы и всего прочего». Удивительная откровенность! *Действительно, цинизм – высшая форма искренности.*

* * *

Уже не раз замечал, что в неволе совершенно иное ощущение времени, оно течет не по календарному, а по какому-то совершенно иному руслу. И вехи его отсчета совершенно другие, ни с временами года, ни с днями недели ничего общего не имеющие. Недель с традиционными выходными, с субботами-воскресеньями здесь не существует. Какие выходные, какие субботы-воскресенья, когда все подчиняется графику работы. Четыре дня с утра – выходной, четыре дня с пяти – выходной, четыре дня в ночь – выходной, разумеется, день и ночи при таком графике – понятие совершенно условное. А главные приметы недельных циклов здешней жизни – крутое яйцо и кусок жареной рыбы на ужин по субботам, микроскопическая, диаметром аккурат в пятак советских времен, котлета в обед по средам. Дни бегут, недели мчатся, месяца проносятся, но стоит сопоставить прошедшее время с оставшимся до конца срока – понимаешь – время стоит на месте. Мистическая чертовщина! Происки «князя мира сего». Разумеется, есть здесь другие вехи отсчета времени – свидания (раз в четыре месяца), посылки (раз в три месяца), но... не ко всем сюда приезжают, и далеко не всех «греют» с воли. По всем признакам календарь для арестанта – вещь условная.

* * *

Крысятничество по тюремным понятиям – тяжкий строго порицаемый и жестоко наказуемый грех. То ли времена наступают другие, то ли наша зона – особенная, но крысятничество здесь не просто существует, оно процветает, им пронизан весь наш быт. Воруют

в первую очередь продукты и сигареты. Воруют из «общакового» (предназначенного для общего пользования) холодильника, что стоит в комнате для приготовления пищи, воруют из наших сумок, что хранятся в кладовой, воруют из прикроватных тумбочек. Вот и у меня из баула, что находился согласно существующему здесь порядку в кладовой, исчезли пакет растворимого кофе, плитка шоколада, несколько пачек сигарет. Я не курю, но без сигарет в здешних условиях не обойтись. Они необходимы для регулярных взносов в «фонд общего потребления», для оплаты хлопот заготовщиков (то есть тех, кто накрывает на стол к завтраку, обеду и ужину), уборщиков (тех, которые подметают и моют наш барак), «атасников» (тех, кто круглосуточно дежурит у входа в барак и предупреждает о появлении всякого сотрудника администрации). Материальные потери ощутимы, но терпимы (сигареты придется у кого-то занимать до «ларька», без шоколада обойдусь, кофе придет в ближайшей посылке). Куда серьезнее потери морального плана. *Всякое воровство в условиях, подобных нашим, в условиях ограниченного пространства, в условиях «закрытого» мини-коллектива чревато осложнениями внутреннего климата.* Всякий пострадавший начинает подозревать кого-то из окружающих. Последние, так же страдая от чьих-то «проворных» рук, платят ему взаимностью и т. д. Словом – цепная реакция, итог которой – тяжелая атмосфера всеобщей подозрительности, недоверия, недоброжелательности. На всякий случай, пытался что-то узнать по поводу пропажи у Рыжего Лехи («козла», что просиживает в этой самой каптерке, где хранятся наши сумки, едва ли не сутки напролет). Тот только развел руками и произнес обтекаемое: «Ну, что же мне за каждым баулом персонально смотреть?»... Конечно, за каждым баулом смотреть невозможно, но в прежней зоне моего нахождения подобных случаев не было, за это там спрашивали. За это там наказывали. Проблема крысятничества всплывала на регулярных собраниях «порядочных» (не запятнавших себя сотрудничеством с администрацией) арестантов нашего отряда, на коллективном чае, точнее чифиропитии. Реакция «смотрюна» (неформального лидера отряда, ставленника «блаткомитета» зоны, призванного смотреть за порядком во всех его видах), была «мягко сказать» сдержанной. «Нехорошо это, смотреть надо, ловить надо, давайте повнимательней будем, я же за всем этим не услежу»... Тут же один из его подручных предложил уполномочить кого-то из «козлов» персонально понаблюдать за шкафами, стеллажами, баулами, холодильником и т. д. На это, разумеется, придется в следующий раз скинуться на чай и сигареты. За хлопоты, так сказать. Почти, как в басне «про щуку, которую бросили в реку»...

* * *

Мобильный телефон прочно и необратимо вошел в жизнь современного зека. С его помощью общаются с родными, близкими, любимыми, знакомятся с будущими женами, узнают новости из других зон, корректируют усилия адвокатов, «выбивают» образовавшиеся еще до посадки долги, да много чего еще делается с его помощью в нынешней арестантской жизни. Правильнее сказать, без мобильного телефона в этой жизни вообще уже ничего не делается. Потому и слух о грядущей кампании по глобальному изъятию у заключенных средств мобильной связи, план которой, якобы, давно созрел в недрах главного российского тюремного ведомства, не на шутку всех взбудоражил. Наивные российские зеки! Неужели они забыли, что «затягивание» мобильных телефонов на зону, равно как и возвращение изъятых в ходе шмона телефонов, для многих сотрудников тюремной администрации остается важнейшей статьей дохода, по сравнению с которой официальная зарплата со всеми надбавками, премиями, пайковыми и т. д. выглядит весьма бледно. Известно и другое. Для «оперов» прослушка разговоров, что ведутся по мобильной связи (как с использованием современных технических средств, так и с использованием услуг многочисленных помощников-стукачей), была, есть и, несомненно, еще долго будет очень важным источником информации о всех настрое-

ниях в арестантской среде, о возможных планах побегов, случаях массового неповиновения и прочих нарушениях. *По сути, мобильный телефон на зоне играет двойную роль. С одной стороны – это объект охоты для людей в погонах с эмблемами УФСИН на рукавах. С другой стороны – их же неоценимый помощник и надежный рычаг во многих делах и заботах.*

* * *

В одиннадцатом «инвалидно-стариковском» отряде очередная смерть. Умер бывший завхоз, казалось бы, еще очень крепкий старик. Не знаю его имени и фамилии, но хорошо помню, как регулярно приходил он к нам на барак к кому-то из земляков, звонил по мобильному, разговаривал с родственниками. Помню его властный голос, которым он отдавал приказы-рекомендации по содержимому очередной посылки. Помню удивительную «гремучую» смесь русских и украинских слов, на которой он изъяснялся («сала не трэба, еще есть, мед – обязательно, чай – маю, есть пока, чеснок, как всегда возьми у Нинки-соседки, у нее в этом году уродился гарный...») Говорят, что было ему уже слегка за семьдесят, что была у него на воле любовница вдвое моложе, что до последнего дня он надеялся что-то разрулить в своей «делюге», «откусить» часть срока, куда-то писал, кому-то жаловался. Отписался, отжаловался... Умер он легко. Во сне. Заснул и не проснулся. Уже остывшее тело обнаружили после подъема, перед проверкой, вынесли на брезентовых носилках, а ближе к обеду на его опустевшей койке уже сидели соседи. Пили чай, говорили о чем угодно, но к бывшему хозяину никакого отношения не имевшем. *Еще в Березовке, еще два года назад я обратил внимание, как поразительно безучастно относятся зеки к смерти себе подобных. Вот еще один пример подобного явления. Что за этим? Очередное свидетельство тюремного «оскотинивания» или особая форма проявления инстинкта самосохранения в нынешних непростых условиях (не надо тратить эмоции на потусторонние, второстепенные факторы, все оставить для себя, дорогого). Не берусь судить!*

* * *

На работе каждый день мы имеем дело с мешками, пакетами, нитками, пленкой. Полипропилен, полиэтилен, прочие, неведомые мне синтетические материалы. Сплошная химия! Сырье, с которым имеем дело, издает специфическое амбре. От этого запаха першит в горле, слезятся глаза. А еще обратил внимание, как подозрительно долго заживают царапины, порезы, потертости у тех, кто работал с этим сырьем. Надо непременно нарезать мелких кусочков-образцов всех этих мешков, пакетов, перенаправить их на волю, попросить друзей организовать экспертизу образцов сырья. Не удивлюсь, если химический состав этих материалов входит в перечень вредоносных компонентов, вызывающих ряд таких страшных заболеваний, как астма, рак, туберкулез. И по всем санитарно-гигиеническим нормам работа с такими материалами должна сопровождаться строжайшими требованиями безопасности или запрещена вовсе. Самое время вспомнить, что даже нормальной вентиляции в нашем цехе нет. Впрочем, все это вполне логично. Официально признать производство, в котором мы работаем, вредным – значит менять систему оплаты нашего труда, менять нормы нашего питания, менять много еще чего. Администрации, понятно, все это невыгодно.

* * *

Новость, неожиданная и грустная. Мусора избили Кирюху Белого. Москвич 19 лет, из хорошей семьи, спутался с дурной компанией, закрутился, запутался, в итоге – ст. 111 УК

РФ⁹, 8 лет строгого режима. Вечером, за час до отбоя его вызвали «на вахту» (так называется здесь комната дежурного), где он получил изрядную дозу лагерной прикладной педагогики. Пятеро прапорщиков били его руками, ногами, резиновыми дубинками. Били старательно, тщательно, изобретательно, профессионально – чтобы было больно, но не было синяков. Возвращался Белый шатаясь, опираясь на плечо соседа-семейника, специально отправившегося его встречать. Поводом для экзекуции стал инцидент во время построения отряда на ужин. Когда построение почти закончилось, двум прапорщикам, оказавшимся поблизости, приспичило проверить наш внешний вид. Те, у кого обнаруживалось что-то, не соответствующее лагерным нормам (вязаные шапки вместо казенных ушанок, кроссовки вместо гулаговских башмаков), отправлялись в барак на переодевание. Понятно, процедура построения из-за этого здорово затянулась. Ожидание без движения на морозе с ветром – удовольствие сомнительное, вот и сдали у Кирюхи Белого неокрепшие нервишки, «психанул», как здесь говорят, крикнул из гущи рядов отряда: «Пидорасы!» Разумеется, добровольные информаторы его почти тут же и сдали. Уже через полчаса Белого выдернули «на вахту», где и состоялся «сеанс вразумления». Любопытно, что делегация из «кремля» (отряд № 2, где базируется местный блаткомитет) во главе со смотрящим за лагерем, по сути, приняла позицию мусоров. В коротком разговоре с теми, кого удалось на тот момент собрать в кавээрке, звучали вкрадчивые фразы о том, что «не надо провоцировать», вдруг это «вредно общаку», «зачем выпендриваться». О синяках и ушибах, полученных Белым в тот вечер, никто не вспомнил. Похоже, нынешний блаткомитет в этой колонии – всего лишь послушное орудие в руках администрации. Вывод горький, но очевидный. А красивые слова об арестантском братстве и солидарности – это для юнцов, заглотивших наживку блатной романтики.

* * *

Когда человека, попавшего в тюремную беду, кто-то попытается жалеть, самая правильная, самая мужская реакция на это – стремление продемонстрировать, что у него все нормально, что никакой трагедии в случившемся нет. И наоборот, когда он сталкивается с тупо деревянным непониманием особенностей его нынешнего бытия, в нем непременно просыпается желание получить всю дозу сострадания и жалости. И это так, кто бы не пытался говорить или демонстрировать что-то обратное. Своеобразная иллюстрация закона единства и борьбы противоположностей. В этом – и слабость человеческая, и проявление особой формы способности человека приспособливаться к новой обстановке, выживать в экстремальных, сверхэкстремальных условиях. Наверное, и я здесь не исключение. Впрочем, ощущение и восприятие тюрьмы – процессы все-таки индивидуальные, очень личные, почти интимные.

* * *

Присматриваюсь, прислушиваюсь к людям, ныне меня окружающим. Часто ловлю себя на мысли: нормальных, психически здоровых, с уравновешенной нервной системой и предсказуемым поведением, адекватными поступками здесь, в лучшем случае, половина. Конечно, все они проходили комиссии, тесты, собеседования, обследования. Все они в итоге признаны нормальными, психически здоровыми, но... Почему Леха Малыш (ростом он, действительно, не вышел) то и дело, безо всякой на то причины, закатывается дебильным смехом (это при его немалом сроке и при полном отсутствии поддержки со стороны близких

⁹ Статья 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

родственников)? Почему Серега Сила, сидя за швейной машинкой смены напролет, разговаривает сам с собой, отчего он то жмурится, то кивает кому-то невидимому, то улыбается сам себе? Я уже не вспоминаю своего соседа сверху что всякую свободную минуту, днем и ночью, грозно сопя, с хищным выражением лица стирает, полощет и сушит свои уже легендарные тряпочки? А сколько моих нынешних соседей кричит, мечется во сне? Срывается на истеричный крик в споре по совсем пустячному поводу? Ни с того, ни с сего впадает порою в жуткую меланхолию и начинает поговаривать о готовности свести счеты с жизнью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.